

БРОНЕ ЛЕТЧИКИ

В ВИХРЕ
ВРЕМЁН

Кровь на снегу

Игорь КАРДЕ

Игорь Карде

Бронелетчики. Кровь на снегу

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9305211

Игорь Карде. Бронелетчики. Кровь на снегу: Яуза, Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-78499-8

Аннотация

Кровавый декабрь 1939 года. Неудачное наступление Ворошилова в начале Зимней войны обернулось окружением двух советских дивизий. В реальной истории наши бойцы обречены на гибель в «котле». Но подмога приходит из будущего! Спецгруппа ГРУ Российской Армии заброшена на 75 лет назад, чтобы прорвать финскую оборону, деблокировать «котел» и вывести окруженные дивизии из кольца.

Русский спецназ на «незнаменитой» войне! Приборы ночного видения и кевларовая броня секретных аэросаней против финских снайперов-«кукушек» и лыжников-диверсантов. БРОНЕЛЕТЧИКИ из будущего идут на прорыв времени. В 40-градусный мороз кровь на снегу замерзает раньше, чем остановится пробитое финкой сердце...

Содержание

Часть первая. «Принимай нас, Суоми-красавица...»	5
Пролог	5
Глава первая	12
Глава вторая	25
Глава третья	40
Глава четвертая	56
Глава пятая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Игорь Карде Бронелетчики. Кровь на снегу

© Карде И., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

В оформлении переплета использована иллюстрация художника П. Ильина

* * *

Часть первая. «Принимай нас, Суоми-красавица...»

Пролог

Колонна далеко растянулась по дороге. Устало брели красноармейцы, тащились повозки с нехитрым армейским имуществом, ехали тяжело груженные полуторки, проносились, поднимая снежную пыль, быстрые бронеавтомобили. Время от времени, сгоняя на обочину медлительную пехоту и неповоротливые обозы, пролетали легкие Т-26. Танкисты упорно не хотели идти по целине – боялись, что застрянут в глубоком снегу, поэтому гнали прямо по середине шоссе, задерживая и без того неспешное движение.

У моста через узкую заледенелую речку образовался затор – одна из полуторок встала прямо на дороге. Водитель не справился с управлением, и тяжелую машину со снарядами занесло на длинном скользком съезде. Она врезалась в гусеничный трактор впереди и заглохла. Похоже, надолго...

Шофер бешено крутил ручку стартера, пытаясь оживить мотор. Из-под капота слышались невнятные, сдавленные хрипы и сипы, но двигатель упорно не заводился. Сидевший в кабине полноватый техник-интендант заметно нервничал

– за опоздание с доставкой боеприпасов по голове не погладят. Особенно в военное время...

– Ну, что же ты, Гаврилов, – нервно повторял он, – чего копаешься-то? Ехать давно пора, наши, наверное, уже далеко ушли, не догоним до ночи...

Взмыленный, потный Гаврилов зло сплюнул на снег:

– Не заводится, зараза! Говорил же, ремонтировать надо!

Незадачливого водилу костерили, кто как мог. И раньше-то переправлялись по мосту на тот берег с большим трудом, а теперь вообще стала беда. Чтобы перебраться по узкому обледеленному мосту, теперь приходилось осторожно, буквально по сантиметру протискиваться между кузовом грузовика и хлипкими перилами. Чуть оступишься – слетишь со скользкого настила прямо на лед...

Наконец, с помощью подоспевшего трудяги-трактора (слава рабочим Харьковского завода!) незадачливую полуторку оттащили в сторону, бросили на обочине. Пусть водитель сам разбирается или ждет подмоги, а нам некогда – вперед надо!

Пока колонна стояла у моста, красноармейцы заметно продрогли – зябко ежились в летних шинелишках и постукивали нога об ногу, пытаясь согреться. Прятали руки в карманах, дышали на ладони... Да куда там! Буденовки и тонкие шинели грели плохо, не говоря уже о хлипких брезентовых сапогах. И кто это придумал, чтобы идти в Финляндию

зимой в осеннем обмундировании? Самих бы сюда этих умников, на мороз...

Шинели и буденовки стали белыми – с неба, почти не переставая, сыпала мелкая, колючая крупа. Лошади недовольно фыркали и низко опускали гривастые головы – им тоже не нравился здешний климат. Танки, броневики и пушки покрылись тонким инеем – к металлу невозможно было прикоснуться голой рукой, сразу прилипала. Даже сквозь рукавицы (у кого они имелись) чувствовался мертвящий холод железа...

Наконец двинулись дальше, с трудом преодолели мост. Протопали еще с полкилометра, слегка согрелись – и вдруг снова встали. Оказалось, что впереди – завал. Узкую лесную дорогу перегородили мохнатые темно-зеленые ели. Ни обойти, ни объехать, надо разбирать упавшие деревья. Завал устроили недавно, пока колонна стояла у моста: спилы на елях еще даже не покрылись снегом...

Командир передового взвода приказал встать и на всякий случай выслал вперед несколько человек – разведать, что к чему. Осторожность на войне никогда не помешает. И оказался прав: едва красноармейцы приблизились к завалу, как из-за толстых елей по ним ударили выстрелы. Засада! Двое или трое сразу упали на снег, остальные пригнулись и рассыпались. Но укрыться на дороге было особо негде – видно же всех как на ладони, бей на выбор...

Выяснилось, что это не просто засада, а хорошо сплани-

рованное нападение. Из-за елей на обочине по колонне ударили пулеметы – густо и сочно. Среди красноармейцев началась паника, они забегали, пытаясь найти хоть какое-то укрытие. Прятались, кто где мог, – за машинами, повозками, фургонами, полевыми кухнями...

Наконец, преодолев растерянность, начали оказывать сопротивление. Раздался приказ – открыть огонь по противнику, отбить атаку! Стали было стрелять, да вот беда – на морозе ружейная смазка замерзла, загустела, и затворы «прилипли» намертво. Винтовки превратились в обычные дубины – тяжелые и неудобные. Хорошо, что удалось развернуть «максим» и дать очередь в сторону нападавших... Может, они испугаются и отойдут?

Но финны, плотно засев за вековыми деревьями, отступать не спешили, а наоборот, начали стрелять чаще и точнее. Старались выбивать в первую очередь тягловую силу – лошадей. Бедные кобылки валялись на снег одна за другой. Бились в агонии, дергались, пытаясь подняться на ноги, ржали от боли и ужаса... Мертвые тела перегородили дорогу, ни вперед, ни назад! Да еще двуколки, как на грех, зацепились одна за другую, сбились в одну кучу. И сдвинуть их, чтобы освободить проезд, было никак нельзя – тяжелые очень. Если только трактором... Но все гусеничные машины, к сожалению, были уже впереди, ушли с артполком. На помощь не придут...

Командир танковой роты, шедшей за стрелковым бата-

льном, принял решение – надо пробиться по обочине и прикрыть пехоту. А то перестреляют, как уток на охоте... Четыре Т-26 один за другим сошли с шоссе и двинулись по целине – на помощь залегшим на дороге бойцам. «Гремя огнем, сверкая блеском стали...»

Да вот беда – предусмотрительные финны установили на обочине мины. Грянули взрывы, и танки встали. Из первого повалил густой черный дым – очевидно, загорелся мотор, еще у двух разорвало гусеницы. Четвертая машина налетела на самый мощный заряд, и ее даже перевернуло...

К счастью, экипажи остались живы. Танкисты начали спешно покидать свои стальные ящики. Но едва их черные шлемы показались из люков, как по ним ударили меткие выстрелы. Как будто ждали. Вот повалился один танкист, вот – второй, третий...

Экипаж первого танка, правильно оценив обстановку, решил остаться под прикрытием брони – все-таки надежней, более того – собрался дать бой. Танкисты развернули башню в сторону леса и стали осыпать финнов снарядами. Да куда там! Противник отлично замаскировался – стрелков почти не было заметно из-за белых маскхалатов. Снаряды рвались за елями, срезая мохнатые лапы, но финны продолжали упорно делать свое дело – расстреливать красноармейцев и танкистов. Их выбивали одного за другим...

Положение усугублялось также тем, что нападение на колонну оказалось абсолютно неожиданным. Да сразу с трех

сторон! А ведь разведка сообщала, что противника в округе нет, что финские части спешно отходят... Что называется, не ждали. И даже боевого охранения не выставили...

Финнов на хуторах и в поселках действительно не было – все ушли с отступающей армией. Мертвые, покинутые селения, пустые дома... Советские части двигались быстро (насколько это было возможно в зимних условиях), спешили выполнить приказ. А Раатская дорога, по которой они шли, оказалась очень узкой, извилистой, да еще занесена снегом. Не развернуться, не разъехаться. Полки и батальоны растянулись на двадцать с лишним километров...

Подразделения смешались, перепутались – танки, пехота, артиллерия, обозы... Не разберешь, кто и где. Все думали только об одном: скорее бы проскочить это опасное, неприятное место, выйти на оперативный простор, пробиться к озерам. Спешили к финскому селу Суомуссалми, где, по данным советского командования, попала в окружение 163-я дивизия. Ей приходилось очень трудно, держалась буквально из последних сил. Вот и послали ей на выручку 44-ю стрелковую. А та сама угодила в ловушку...

Наконец к завалу подошла артиллерия. Третий дивизион 122-го артполка успел проскочить опасное место, но потом получил приказ срочно вернуться – поддержать попавших в беду товарищей. Да вот проблема – наводчики брали значительно выше завала (стрелять неудобно – орудия не раз-

вернешь на заснеженной дороге) и попадали не по финнам, а в основном по своим. Снаряды стали рваться в колонне, усугубляя и без того непростое положение красноармейцев. Число убитых и раненых стремительно росло...

Тут еще какой-то чудака лейтенант решил проявить личный героизм – выхватил из кобуры пистолет и с криком «За мной, в атаку!» бросился на противника. Думал, наверное, что красноармейцы дружно поддержат его, поднимутся в атаку... Ага, как же. Героизм – это, конечно, хорошо, но не в такой гиблой ситуации. Каждый думал, как бы самому уцелеть, и лезть под пули, на верную смерть, никто не хотел...

Результат атаки оказался вполне предсказуемым – не успел лейтенант пробежать и десяти метров, как упал мертвый. Финская пуля попала ему точно в лоб... Нелепая, никому не нужная смерть. А сколько их еще будет?

Глава первая

– Вот такие дела, товарищи. Кстати, привыкайте к такому обращению – по крайней мере, в ближайшие несколько недель вы будете обращаться друг к другу только так. И никак иначе. Никаких тебе «друже», «брате» и уж тем более – «господин поручик». Ясно?

Генерал-майор Бородин, начальник отряда Спасателей времени, крепко потер ладонью затылок (опять давление – погода, что ли, меняется?) и строго посмотрел на подчиненных:

– Вам поручается чрезвычайно сложное и опасное задание – спасти от разгрома 44-ю советскую дивизию, полностью уничтоженную в начале января 1940 года у деревни Рате. Но не только спасти, но и помочь ей осуществить поставленную задачу. Вы видели, – генерал кивнул на экран, – что там делалось, какая была обстановка. Тяжелая, прямо скажем, фактически мясорубка. Так что, как понимаете...

Командир оперативной группы, майор Злобин, сидевший напротив генерала, кивнул – да, понимаем. Все в принципе ясно: задача невыполнима. Как всегда. И, как всегда, они ее выполняют.

Майор едва улыбнулся – ничего нового: для Спасателей времени легких задач не бывает. Это стало уже традицией...

Генерал, заметив полуулыбку Злобина, слегка нахмурил-

ся.

– Я понимаю, о чем вы сейчас подумали, товарищ Злобин, – серьезно произнес Бородин, – мол, мы и не в таких передрыгах бывали, однако всегда справлялись, стало быть, справимся, и сейчас. Верно, бывали, и даже не один раз. Но в данном случае операция предстоит более сложная и серьезная, чем все те, с которыми вы уже имели дело. Все-таки у вашего противника будет современное огнестрельное оружие: и винтовки, и автоматы, и пулеметы, и орудия, и даже кое-какая бронетехника, включая легкие танки. Это вам не луки с копьями, как под Козельском, отношение понадобится совсем иное. Как и экипировка, кстати. А пока вот что я хочу сказать...

Генерал внимательно посмотрел на группу Спасателей времени. Командир, майор Владимир Злобин, 45 лет, настоящий офицер. Умный, спокойный, уверенный в себе. Может мгновенно принимать важные решения, серьезный, очень ответственный человек. С подчиненными строг, но всегда справедлив. Для него не бывает невыполнимых задач, лишь трудные и очень трудные. Ребята из группы уважительно называют его Батя. Понятно – он же им почти как отец родной...

Заместитель Злобина, врач и специалист по лекарствам, всяким ядам, отравляющим и усыпляющим веществам, капитан Леонид Лепс, 38 лет. Отвечает за медобеспечение группы, но не только за это: на его плечах еще разведка и

контрразведка. А также снабжение и финансы. Надо же кому-то и этим заниматься... Он опытный психолог, отлично владеет НЛП, способен запудрить мозги любому. С виду – вежливый, мягкий, интеллигентный прибалт, но внешность весьма обманчива. Под ней скрывается жесткий и холодный человек, привыкший тщательно все анализировать и просчитывать. Голова работает, как комп, держит в уме огромное количество информации. В группе его почтительно называют Доком, а еще иногда – Мозгоправом или Мозголомом. Но только за глаза, разумеется...

Старший лейтенант Сергей Самоделов, 26 лет. Тот самый случай, когда фамилия полностью соответствует личности человека. Сергей – мастер на все руки, может починить любую технику, даже едва живую, на «ты» практически с любым механизмом – от древних катапульт до современных экранопланов. Умеет водить все, что движется, от паровоза до истребителя, но особенно он любит и уважает автомобили. Настоящий фанат раритетных кабриолетов, находит старые, ржавые, полные развалюхи, и сам их восстанавливает. Не из-за денег, а только ради любви к делу. Отвечает в группе за связь и техническое обеспечение, а еще он главный водитель. Неторопливый, рассудительный, спокойный человек. Кличка – Самоделкин. Как же иначе?

Рядом с ним сидит 25-летний Матвей Молохов, тоже пока старлей. Пулеметчик, снайпер, специалист по оружию, основная ударная сила группы. Настоящий русский богатырь,

почти великан (рост – под два метра), кулаки – что здоровенные кувалды. Ударит – точно не встанешь. Прозвище, понятное дело, Молох или Молот. Просто и ясно. Высокий, русоволосый, голубоглазый – красавец, девушки от него просто без ума, пачками вешаются. Не женат, и жениться, похоже, пока не собирается. Говорит, что и так хорошо...

И, наконец, Герман Градский, единственный в группе штатский. Известный ученый, доктор наук, профессор. Научные интересы – история, культурология, археология, сравнительное языкознание, этнография. Признанный эксперт по древним цивилизациям и палеолингвистике. Знает невероятное количество иностранных языков, в том числе два десятка «мертвых». Абсолютно незаменим при контакте с местным населением, особенно не слишком еще окультуренным. Помогает разобраться в обычаях и традициях, а то скажешь или сделаешь что-нибудь не так и попадешь прямо в «яму». А то и на дыбу... Прозвище – Пан Профессор. Это из-за польских корней, которыми Градский очень гордится: говорит, что его предки происходили из очень древнего и знатного шляхетского рода, восходящего чуть ли не к королю Сигизмунду Первому...

Каждый из членов группы – уникальный специалист, мастер своего дела. А все вместе – ударная группа майора Злобина. В составе отряда Спасателей времени...

– Так вот, – продолжил, чуть помолчав, генерал, – хочу еще раз подчеркнуть сложность задачи, с которой вы столк-

нетесь. Чтобы не думали, что все будет легко и просто. Как говорит капитан Лепс, – кивок в сторону Леонида, – «гладко было на бумаге, да забыли про овраги».

Все чуть улыбнулись – есть такое, любит он все просчитывать. Впрочем, всегда лучше предусмотреть заранее трудности...

– Время операции, – уже серьезно сказал Бородин, – конец декабря 1939 года, место высадки – Финляндия, Раатская дорога. Двигаетесь по направлению к селу Суомуссалми...

Генерал кивнул на экран, на котором высветилась подробная карта окрестностей.

– Не самое удобное место, – скептически заметил майор Злобин, – как раз меж двух озер. Ни влево, ни вправо не возьмешь, практически никакого маневра. Кругом – сплошные леса и озера...

– Все правильно, – согласился генерал, – не самая лучшая позиция, но выбирать не приходится. Общая же ситуация такова: незадолго до событий, 30 ноября 1939 года, перед 163-й стрелковой дивизией, входящей в состав 9-й армии РККА, поставили задачу – нанести удар со стороны советской границы, города Ухты, в сторону финского Оулу. Надо преодолеть быстрым походным маршем 235 километров и через восемнадцать-двадцать дней выйти к Ботническому заливу, разрезав, таким образом, территорию страны надвое.

Генерал показал на экране, все кивнули – все вполне ло-

гично: разрезать армию противника надвое и уничтожить по частям.

– В принципе замысел был правильный, – продолжил Бородин, – расчленив сухопутные силы Финляндии на две группировки, окружить и уничтожить по отдельности. Но опасность маневра понимали и сами финны, а потому бросили на защиту села Суомуссалми, ключевого населенного пункта на данном направлении, все силы. Против 163-й стрелковой дивизии выступил 27-й финский пехотный полк и еще несколько отдельных батальонов. Плюс, конечно, местные ополченцы. Вроде бы по совокупности получалось значительно меньше, чем советских бойцов, но не надо думать, что превосходство РККА было подавляющим. Фактически под Суомуссалми сражались лишь два полка 163-й дивизии, остальные подойти не успели – застряли на дороге.

Кивок на монитор, и все увидели: обычная наша ситуация – гнать людей вперед, не просчитав как следует маршруты. Лишь бы скорее выполнить приказ... А о том, как такая масса военной техники, орудий и пехоты (да еще с конными обозами!) пройдет по узким лесным дорогам, даже не подумали. Действительно, «гладко было на бумаге»...

– К началу декабря 1939 года, – продолжил генерал, – 81-му горнострелковому и 759-му стрелковым полкам 163-й дивизии удалось быстро, не встречая серьезного сопротивления, выйти к селу Суомуссалми и с боем занять его. Местные ополченцы тут же отошли. Но продвинуться дальше и вый-

ти к Оулу не получилось – финны подтянули резервы и организовали крепкую оборону, а затем предприняли смелый маневр и окружили советские полки, отрезав от основных сил. Бойцы лишились боеприпасов, продовольствия и медикаментов. Командир дивизии, комбриг Зеленцов, понимая сложность и опасность положения, запросил подмоги, и она была оказана. На деблокаду 163-й дивизии выдвинули 44-ю стрелковую, усиленную еще 312-м отдельным танковым батальоном. Но и она также попала в окружение. Даже еще хуже – оказалась разрезанной на несколько частей...

Бородин показал на экране:

– Вот смотрите, 44-ю дивизию атаковали в очень неудобном месте, на Раатской дороге, узком перешейке между озерами Куйвас-ярви и Куоми-ярви. Возможности для маневра и проведения контратак, как видите, не было. Грузовики и конные повозки, на которых везли армейское имущество, продовольствие и боеприпасы, забили все шоссе, применить танки и артиллерию не получалось – развернуться негде. Таким образом, дивизия лишилась своего главного преимущества – брони и огня. Что толку от танка, если он стоит намертво и не может даже сдвинуться с места? Груда металла и мишень для противника... А по глубокому снегу легкий Т-26 проходил с большим трудом. И еще холода тогда были такие, что вся техника замерзла, и завести ее получалось далеко не всегда. Плюс ко всему – обычная неразбериха и общий бардак. А вот финны действовали очень умело и уже

через несколько дней расчленили дивизию на группы. Из-за отвратительной организации и толчеи на шоссе части 44-й оказались сильно растянуты – на двадцать километров, боевое взаимодействие между ними не было налажено. Финны воспользовались этим – начали уничтожать дивизию по частям. И весьма в этом преуспели! Они, заметьте, использовали старую, проверенную тактику партизанской войны – перекрывали дорогу завалами и нападали из засады. Обстреливали колонны, минировали обочины, устраивали ловушки, убивали лошадей, поражали автомобили... Через несколько дней бойцы 44-й оказались без патронов, лекарств и еды, даже хлеба не было – автопекарня застряла где-то. Люди грызли сухари, если удавалось, варили конину. Это, сами понимаете, не лучшим образом отразилось на их физическом состоянии и боеспособности. Командование 9-й армии попыталось помочь 44-й дивизии, организовало «воздушный мост»: сбрасывали с самолетов мешки с продовольствием и боеприпасами, но большинство посылок попадало в руки тех же финнов – они, как правило, первыми успевали добраться. Они же лучше знали местность и были на лыжах... Но все же красноармейцы не сдавались и даже пытались выполнить поставленную задачу – прорваться в Суомуссалми, спасти 163-ю дивизию. Но не удалось – атаки наталкивались на хорошо организованную оборону и захлебывались, а роты откатывались назад с большими потерями. Командующий 163-й дивизией комбриг Зеленцов, не дождавшись деблокады, прика-

зал своим полкам пробиваться на север, в сторону границы. Чтобы спасти хоть кого-то... После трехдневного блуждания по тайге к границе вышла лишь половина людей, пришлось бросить почти всю технику, тяжелое вооружение, включая пулеметы...

Бородин немного помолчал, давая возможность представить масштаб поражения, затем продолжал:

– После разгрома 163-й дивизии финны кинули все силы против 44-й, которая к этому времени была уже в не лучшем состоянии. Красноармейцы ослабли, не получали горячего уже несколько дней, много убитых, раненых и обмороженных... Через неделю, 8 января, 44-я дивизия была фактически уничтожена, к границе прорвались лишь жалкие остатки. Финнам достались 37 танков, 20 бронемашин, 160 грузовиков, 350 пулеметов, 97 орудий, несколько тысяч винтовок. Разгром полнейший и очень тяжелый. И позор для Красной армии... Естественно, последовали жесткие меры. Комбрига Зеленцова и комиссара 163-й отстранили от руководства, а полковника Шарова, командира 662-го стрелкового полка, понесшего особо тяжелые потери, а также его полкового комиссара Подхомутова расстреляли. Чуть позже перед строем были казнены командующий 44-й дивизией комбриг Виноградов, полковой комиссар Пахоменко и начальник штаба полковник Волков...

На экране высветились молодые, мужественные лица: командиры, погибшие в общем-то не по своей вине...

– Вот такие дела, товарищи, – закончил генерал. – На Раатской дороге и в ближайших лесах пропали, погибли от ран, голода и замерзли почти семь тысяч человек, еще более 1300 угодили в плен. Но главное – победа при Суомуссалми имела большое моральное и политическое значение для противника, позволила ему затянуть зимнюю кампанию. Что привело к новым и многочисленным потерям... Разгром двух стрелковых дивизий настолько ослабил 9-ю армию РККА, что на этом участке фронта она не предпринимала больше никаких действий до самого конца войны. Ей так и не удалось выйти к Ботническому заливу и выполнить поставленную задачу. О политическом значении же поражения даже говорить не приходится: враги Советского Союза увидели воочию, что страна не готова к большой войне, что грозная Красная армия – колосс на глиняных ногах. Именно тогда руководство Германии приняло решение напасть на СССР летом 1941 года...

Майор Злобин внимательно слушал генерала и лишь время от времени делал пометки в блокноте. Бородин помолчал и продолжил:

– Перед вашей группой, товарищи, стоит задача: добратся до 44-й дивизии, организовать ее прорыв к 163-й, оттеснить с Раатской дороги 27-й финский полк и выйти к Ботническому заливу. Надо помочь советским частям взять Оулу и разрезать Суоми на две части. Тем самым вы создадите благоприятные условия для поражения финской армии и побе-

ды РККА. А затем вам надо будет помочь советским дивизиям, штурмующим линию Маннергейма с юга и юго-востока, им тоже несладко приходится... Но это уже вторая часть задания, после первой. Все понятно?

Майор Злобин ответил за всю группу – так точно, товарищ генерал, понятно. Затем уточнил:

– Дата заброски?

– 22 декабря 1939 года, начало разгрома 44-й дивизии, – ответил Бородин. – Полагаю, это самый оптимальный вариант. Вы окажетесь в начале битвы за Суомуссалми и сможете коренным образом изменить всю ситуацию, создадите ее альтернативный вариант истории... Надеюсь, у вас получится.

– Конечно, – уверенно кивнул Злобин.

– Другого ответа от вас я и не ждал, – удовлетворено произнес Бородин. – Теперь что касается вашей экипировки...

Злобин поморщился, как от сильной зубной боли.

– Знаю, – понимающе усмехнулся генерал, – не любите вы нашего старшего прапорщика Михеенко. Но что поделать – другого завснаба у меня нет. Он выдаст, что необходимо.

– Так ведь, товарищ генерал-майор, – неожиданно встрял старший лейтенант Сергей Самоделов, – Михеенко – тот еще жук. У него зимой снега не выпросишь, а не то что снаряжения... Жмот, сквалыга!

– Не сквалыга, а бережливый, хозяйственный мужик, – строго поправил Бородин. – Михеенко заботится о сохране-

нии вверенного ему имущества, чтобы зря не расходовали и попусту не разбазаривали. Как и положено ему и по Уставу, и по всем инструкциям. Сами знаете, какой сейчас напруг с финансированием, фонды опять сократили. Говорят, наша тема неактуальна, есть более перспективные направления. Приоритеты, мол, изменились...

Генерал тихо выругался, его подчиненные понимающе усмехнулись – вечная грызня между управлениями Института, каждый тянет финансовое одеяло на себя. Пока победу одерживали службы и отделы, занимающиеся изучением культурных памятников, а Спасателям времени доставались лишь обеды... Но это временно – даст бог, поймет руководство, что исследование военной истории и создание альтернативной реальности не менее интересно и перспективно, чем изучение каких-нибудь античных храмов и дворцов...

– Нам приходится экономить, урезаем по самое не балуй, – вздохнул Бородин. – Так что, ребята, вы поаккуратней, не особо шикайте. А с Михеенко уж постарайтесь ласковей как-нибудь, глядишь, он вам и выдаст, что надо, без лишних проблем...

– Как же, выдаст, – скептически скривился Самоделов, – Михеенко в прошлый раз, когда мы в Козельск ехали, ни за что не хотел серебряные гривны выдавать. А как без них, если в то время иных денег, по сути, и не было? Сказал: вы, мол, хлопцы, обойдитесь как-нибудь сами, расплатитесь натурой, то есть мехом. Настреляйте, говорит, лисиц, волков

да белок, сдерите с них шкурки, вот вам и деньги. Сорок белок – одна серебряная куна, на которую можно много чего выменять... Ага, делать нам нечего, как белок по деревьям гонять да за лисицами бегать! Еще бы предложил сходить на медведя! Завалить парочку-троечку косолапых и содрать шкуру... Тоже мне, экономист хренов!

Генерал слегка улыбнулся:

– Да, Михеенко – такой, немного прижимистый. Есть чуток...

– Плюшкин он, – скривился Матвей Молохов и продемонстрировал неплохое знание мировой литературы: – Гобсек, Скупой рыцарь, Скрудж...

– Ничего, договоритесь как-нибудь, – примирительно поднял ладони вверх Бородин, – не так ли, капитан Лепс?

– Так точно, – подыграл начальнику главный специалист по НЛП и запудриванию мозгов, – договоримся. Беру это на себя.

– Вот и отлично, – одобрительно кивнул генерал. – Вопрос решен.

Он встал из-за стола, давая понять, что разговор окончен:

– Идите, товарищи, готовьтесь к заданию, получайте экипировку, а перед самой заброской мы еще раз встретимся, уточним детали.

Майор Злобин поднялся и, козырнув начальнику, направился к выходу. За ним потянулись и все остальные члены группы.

Глава вторая

– Что ты по этому поводу думаешь? – спросил Матвей Молохов у Сергея Самоделова, когда они вышли из генеральского кабинета.

Они появились в группе Спасателей времени почти одновременно и, естественно, быстро подружились. Оба молодые, свободны, не имеют никаких серьезных обязательств... Ну, почти никаких – у Сергея была девушка, он даже хотел сделать ей предложение, но все как-то не собрался. То ситуация неподходящая, то одно задание, то другое... Матвей Молохов по поводу женитьбы вообще не заморачивался, прекрасно обходился и без официально оформленных отношений. У него с женским полом разговор был короткий: пришел – увидел – победил. Почти как Юлий Цезарь.

– По поводу чего думаю? – уточнил Самоделов. – По поводу задания или по поводу Михеенко? Если ты о прапоре, так я даже думать о нем не хочу – как представляю, что придется тащиться на склад, выпрашивать у него и выклянчивать... Противно делается!

– По поводу задания, конечно, – улыбнулся Молохов. – С Михеенко все ясно – Док с ним разберется. Помнишь, как в прошлый раз было? Стоило Доку сказать: «А подай-ка ты, милый друг Богдан Михайлович, то, что нам нужно, да еще вон того, пожалуйста, захвати, про запас, а то мало ли что» –

и посмотреть своими чистыми, ясными глазами, как только один он умеет... Как Михеенко тут же сам все принес и даже запчасти выдал. Да, лингвовнушение и гипноз – страшные вещи, с человеком многое сделать могут. Даже с таким, как наш прапор. Слава богу, Док умеет с ним разговаривать...

– Помню, а как же, – хмыкнул Самоделов, – Михеенко потом плакался: опять его, бедного, обдурили, на НЛП взяли! К генералу бегал, жаловался, но тот его послал – сам виноват, смотреть надо было. Что упало – то пропало, обратно не вернешь. Тем более что люди не для себя брали, а для дела...

– Правильно, – кивнул Молохов, – это так: взять свое – и ходу. Как говорится, не жди, пока девушка тебе утром кофе в постель принесет, сделал дело – гуляй смело...

– Ты это о чем? – подозрительно покосился на друга Сергей Самоделов.

У него с подругой были весьма непростые отношения...

– Да так, просто к слову пришлось, – отмахнулся Молохов, – историю одну вспомнил, смешную, про кофе и девушку, потом тебе расскажу, как случай выйдет. К твоей это никакого отношения не имеет, уж поверь мне...

Самоделов кивнул – ладно, проехали.

– А что думаешь по поводу задания? – Матвей решил вернуться к теме разговора.

– Как всегда, – пожал плечами Самоделов, – выполнимо. Конечно, будут свои особенности, не без этого, но в целом – средней тяжести. По крайней мере, мне так кажется...

– Я к чему это говорю, – неожиданно очень серьезно произнес Матвей. – Никому не говорил, а теперь, видимо, придется. Видишь ли, согласно нашим семейным преданиям, один из моих предков, Павел Николаевич Молохов, как раз был на Финской и погиб там... А воевал он в тех местах, где нам придется. Что, если я с ним встречу? Случайно, допустим? Такая ситуация у нас не предусмотрена ни в одной инструкции...

– Верно, – кивнул Самоделов, – не предусмотрена. Поскольку мы раньше с таким никогда не сталкивались. Помнишь, где были? Тринадцатый век, а до этого – пятнадцатый. Какие там предки! Может, и были, но слишком уж дальние... А тут – двадцатый век, 1939 год, не такие уж стародавние времена. Позавчера, можно сказать. Ты, Матвей, поговори с Батей, он мужик дельный, что-нибудь сообразит. Вероятность вашей встречи, конечно, мала, там столько народу будет, но всё же... Чем черт не шутит!

– Ладно, – вздохнул Матвей, – поговорю. В самом деле – а вдруг встретимся? Пусть Батя решает, что тогда делать, на то он и командир. Ну что, пойдём к Михеенко? Посмотрим, как его Док обрабатывать будет?

Сергей кивнул – конечно, пошли.

* * *

Леонид Лепс стоял, слегка позевывая, у стола завскла-

дом и бросал на старшего прапорщика Михеенко рассеянные взгляды. Всем своим видом он показывал, что ему здесь смертельно скучно, что занимается этой нудной, рутинной работой исключительно по служебной надобности, что, будь его воля, давно бы нашел себе куда более интересное занятие... Но строгое начальство приказало лично следить за подготовкой к операции, вот он и вынужден торчать здесь, на этом складе, ожидая, когда все будет выдано и упаковано...

Михеенко хмурился и старался не замечать капитана, хотя сделать это было непросто – Лепс, похоже, обосновался у стола надолго и уходить не собирался. Да еще смотрел на него своими прозрачными, как вода, серо-голубыми глазами и пытался влезть в самые потаенные уголки сознания. Гипнотизировал, лишал силы воли, заставлял плясать под свою дудку. В конце концов, прапорщик не выдержал.

– Что вы меня, Леонид Анатольевич, так пристально разглядываете? – спросил он недовольно. – Как барышню, я извиняюсь, какую-нибудь. Мне прямо-таки неудобно делается...

– Я? Разглядываю? Вас? – делано удивился капитан. – Побойтесь Бога, уважаемый Богдан Маркович, даже и в мыслях не имею. Как можно-с! Я комнату вашу осматриваю, любопытствую, так сказать, от нечего делать. Разве это запрещается?

Прапорщик Михеенко покраснел, заерзал толстым задом на казенном стуле и недоверчиво засопел:

– Знаем мы, как вы любопытствуете. В прошлый раз вот точно так же смотрели, а потом раз – и три серебряных слитка из спецсейфа пропали. Куда делись – до сих пор не пойму. Вы, случайно, не знаете, а?

– Как же, знаю, – любезно отозвался капитан, – очень даже хорошо знаю. Вы сами нам их отдали, дорогой Богдан Маркович, и запись в архивных файлах сделали. Полюбопытствуйте у себя в папочке...

– Не может быть, – возмущенно воскликнул Михеенко, – чтобы я – и сам выдал вам серебро? Брешете!

Но через минуту был вынужден признать правоту капитана Лепса: действительно, выдал, в полной мере, сколько просили. И даже имелась запись в архивной папке. Значит, достал слитки из спецсейфа и сам отдал... Позор – разбрасываться таким ценным (в прямом смысле слова) металлом! Но, увы, ничего поделать уже было нельзя. Накладные оформлены, подпись генерала Бородина имеется. И даже пожаловаться невозможно – поди докажи, что тебя охмурили, применили метод лингвозомбирования. На смех же поднимут! Опытный, прожженный прапор, а его, как мальчика, вокруг пальца обвели! Нет уж! Но больше он на это не поведется, такой фокус уже не выйдет! Хватит!

Михеенко сердито засопел и склонился над заявкой, рассматривая перечень оружия, припасов и оборудования.

– Так, этого у меня нет, это я вам не выдам, не положено. А вот этого даже и не просите – только по особому распоря-

жению. С самого верху!

Прапорщик значительно поднял толстый палец к потолку, показывая, откуда должно исходить это самое распоряжение.

– Бросьте, разлюбезный вы наш Богдан Маркович, – сладко улыбнулся Лепс, – ну зачем такие сложности? Зачем беспокоить высокое начальство? Оно же всегда занято, не пробиться к нему: то одно заседание, то другое... Давайте решим этот вопрос сами, промеж себя. Договоримся по-хорошему, по-тихому, по-свойски. А я вас не забуду... Тем более что ничего особенного мы не просим, так, самую малость, без чего ну никак не обойтись! Вот, например, посмотрите, чудесный вы наш Богдан Маркович...

Михеенко на секунду оторвал взгляд от экрана и угодил в расставленную ловушку. Легкое гипнотическое внушение, умелое НЛП – и готово: через минуту старший прапорщик, не понимая, зачем и почему, но выдавал все, что требовали. Более того – советовал, что можно еще заказать. И тут же приносил. Не хотел, противился всем своим прапорским существом, но тащил. Ноги сами несли его в хранилище, а руки снимали с полок запасы и выкладывали на стол...

– Так, – деловито сверялся со списком капитан Лепс, – пять пар валенок, столько же – ватных брюк и теплых подштанников. Шерстяные носки, рукавицы, вязанные перчатки... Есть. Байковые портянки, по три пары на человека, с запасом. В Финляндии, знаете ли, дорогой Богдан Маркович, зимой холодно, я точно знаю – в прошлом году с женой

ездил, отдыхал. Замерз страшно! Чтобы согреться, в сауну пришлось зайти, пропариться, как надо, финской водки попить. Очень, кстати, приличная оказалась...

– Водки в списке нет, – взвизгнул Михеенко, – не положено!

– И не надо, – легко согласился Лепс, – обойдемся медицинским спиртом. Он-то у вас имеется?

Прапорщик жалобно всхлипнул, но принес пятилитровую флягу. Полную. Капитан благодарно кивнул – спасибо, дорогой товарищ! Затем продолжил:

– Так, что дальше? Форма – имеется, в том числе и для Пана Профессора, пусть побудет военинженером второго ранга...

Михеенко, как взмыленный конь, носился по складу, принося вещи.

– Так, это тоже мы берем, – заглядывал в список Леонид Лепс, – и это, тоже пригодится. Запас, как говорится, карман не тянет. Из оружия, само собой, пистолеты ТТ, обоймы, патроны, пистолеты-пулеметы Дегтярева, магазинные диски... Автоматическая снайперская винтовка Симонова – для нашего Матвея, пусть побалуется. Любит он такие штуки! Тяжеловата, конечно, но что делать, какая есть. Ничего, парень молодой, крепкий... А вот оптику мы нашу поставим, современную, посильнее. Да и патроны к ней тоже из нашего спецхрана возьмем – помощнее...

Тут Лепс заметил Самоделова и Молохова и придал сво-

ему голосу строгости. В воспитательных целях – чтобы уважали и боялись. А то совсем разбалуются...

– Вы, товарищ Михеенко, не ленитесь, пошевеливайтесь, мне что, весь день здесь торчать? Обед скоро, а дел навалом. Что там дальше? Ну, продукты – это понятно, на две недели, на месте пополним. Тушенка, сухари, крупы, чай, сахар, соль, шоколад – обязательно. Лекарства, шприцы, медицинские инструменты, перевязочные материалы – это в полном объеме. Так, что еще? Часы мужские, наручные, пять штук. В моде крупные были, это хорошо, втиснем туда коммуникаторы, чтобы связь держать. Никто не заметит... Самоделкин этим займется (кивок на Сергея), он умеет, большой спец по подобным штучкам! Так, ничего не забыли? Вроде нет. Лыжи, палки и крепления – взяли, маскхалаты, ушанки, овчинные полушубки, сапоги, зимние ботинки... Электрические фонарики, котелки, тренога, кружки, ножи, ложки-вилки – эх, сколько всего, тяжеловато будет тащить. Ну, ничего, говорят, транспортный отдел нам аэросани приготовил, в них и загрузим. Да, не забыть бы новые «броники»... Под френч как раз пойдет, не видно, опять же – теплее будет. Кевларовые подшлемники под каски – тоже, чтобы голову прикрыть. Ну, кажется, всё. Ладно, если что забыл, еще к вам загляну...

Прапорщик Михеенко притащил последний тук и без сил рухнул на стул, переводя дух. Да, загоняли... Капитан Лепс с напускной серьезностью обратился к Самоделову с Молоховым, с улыбками наблюдавшими за этой сценой:

– А вы, молодые люди, чего расселись? А ну-ка, тащите все это к нам в отдел. Да смотрите, не потеряйте ничего по дороге. Из вашей зарплаты вычту!

И снова повернулся к прапорщику:

– Спасибо, дорогой Богдан Маркович! Что бы мы без вас делали! Право слово, не знаю, как вас и отблагодарить... Ну, ничего, что-нибудь придумаю. Загляну как-нибудь, посидим, чайку попьем. С тортиком...

Несчастный прапорщик страдальчески застонал и закатил глаза – когда же прекратится издевательство? Сколько можно мучить бедного человека! Капитан иронически хмыкнул:

– Что делать, дорогой Богдан Маркович, не мы такие, жизнь такая. Кто же о нас, бедных и несчастных, позаботится, если не мы сами?

Лепс ухмыльнулся и в хорошем настроении пошел на выход. За ним, нагруженные вещами, поспешили Самоделов и Молохов. Задача была выполнена – все вещи собраны. Ну, или почти все – оставалось еще зайти в финансовый отдел, получить советские деньги. Но это уже было значительно легче – там же женщины работают, а с ними проблем не бывает. Скорее даже наоборот...

Лепс пригладил перед зеркалом остатки когда-то пышной шевелюры и поспешил на третий этаж – в финотдел. Надо успеть до обеда, а то жди потом...

– Вот она, наша «ласточка». – Сергей Самоделов ласково прошелся ладонью по корпусу ОСГА-6. – Не машина – птица!

Аэросани действительно выглядели очень красиво и современному, хотя разработаны в середине 1930-х. Гладкие, плавные, обтекаемые формы, каплевидный корпус, легкие, стремительные очертания. Позади – широкий двухлопастный винт, по размерам не уступающий авиационному. Еще бы пару крыльев – и вполне сошли бы за авиакар. Только вместо колес у них внизу имелись лыжи – одна спереди, рулевая, и две сзади, основные.

– По внешнему виду и внутреннему устройству аэросани полностью соответствуют советскому оригиналу, – сообщил Сергей, – ребята нашли в одном из военных музеев сохранившийся экземпляр и скопировали один в один, даже материалы взяли такие же – дюраль, дерево и фанера. Разумеется, кое-что пришлось усовершенствовать – двигатель поставили мощнее, не сто «лошадей», а двести, изнутри корпус обшили кевларом – для защиты от пуль и осколков, вместо плексигласа в кабине – двойное бронестекло, и еще дно закрыли стальной пластиной – от финских мин. Поставили «броники» в спинки кресел – как дополнительную защиту для водителя и командира...

– Ух ты, – восхитился Матвей Молохов, – почти авиетка...

– Если сравнивать с самолетами, – согласился Самоделов, – я бы назвал ОСГА-6 штурмовиком – похоже по огневой мощи и броневой защите. Жаль только, авиапушку нам не удалось поставить, пришлось ограничиться пулеметом. Но ничего, зато в дверях сделали специальные щели под «дегтяревых», можно будет вести огонь из машины. Скорость получилась тоже ничего, максимальная – сто двадцать километров в час, маршевая – шестьдесят-семьдесят. Вполне прилично. Экипаж – пять-шесть человек, как раз для нашей группы. Двое сидят спереди – водитель и командир, трое-четверо – сзади, в салоне. Места, как видите, хватит всем и даже останется – для вещей и груза. Основные бензобаки – под сиденьями, сзади – запасные. Возьмем с собой горючки столько, сколько можем, потом заправимся на месте. Все-таки не в Средневековье едем, добудем как-нибудь... В принципе нам сгодится любой бензин, даже низкопробный, так что, полагаю, проблем не будет...

Самоделов откинул люк со стороны водителя, показал:

– Управление легкое, простое: штурвал, магнето для запуска двигателя и две педали – газ и тормоз. Проще, чем в любом автомобиле. Ребята из технического отдела поставили хорошие аккумуляторы и еще портативный генератор, в самый сильный мороз у нас будут тепло и свет. Мощности хватит на несколько суток... Можно ночевать прямо в санях – печка отличная, я уже проверил. На всякий случай в кор-

мовой части имеется «буржуйка» для дров или угля. Как запасной вариант...

Матвей Молохов недоверчиво постучал по бронестеклу:

– Не замерзнет? Все-таки середина зимы, север, Финляндия... Не курорт, прямо скажем.

– Нет, – уверенно произнес Самоделов, – специальное покрытие. Не обледенеет даже при пятидесятиградусном морозе. А если даже и замерзнет – не страшно, для наблюдения на корпусе есть восемь мини-камер, круговой обзор. Посторонним незаметно, а нам все видно. Изображение будет передаваться прямо на портативный комм под панелью управления. Поднял крышку – и смотри, что вокруг делается. Плюс инфракрасные камеры и разные датчики. Можно управлять машиной в темноте и даже в метель...

– А что с вооружением? – поинтересовался Молохов. – Я вижу – сверху «дегтярев»...

– Да, танковый, – подтвердил Самоделов, – 7,62 мм, на турели, боекомплект – 1000 патронов. Не хватит – попросим на месте, надеюсь, с нами поделятся. Все-таки одно дело делать будем. На крыше – портативная локационная станция, засекает любые летящие и движущиеся объекты. Это для защиты от самолетов. В общем, напичкана наша «ласточка» под завязку и по последнему слову техники...

– Ну что ж, – удовлетворенно произнес Злобин, – транспорт имеется, оружие и боеприпасы – тоже. Зимнюю форму, продукты, медикаменты, запчасти – все получили?

Капитан Лепс кивнул – так точно! Все, что надо, и даже кое-что сверху. Чтобы мы – и свое не взяли? Не бывает такое!

Сергей Самоделов прыснул от смеха:

– Михеенко к Бородину опять бегал, жаловался – мол, капитан его снова обманул, обдурил. Но генерал лишь махнул – не приставай, не до тебя сейчас. И вообще: поздно ворота запирать, когда лошадей уже увели...

– Верно, – улыбнулся майор, – кто смел, тот и съел. Победителя, как известно, не судят. Легенды свои выучили?

Все дружно кивнули – само собой, работа есть работа. И легенды вызубрили, и форму военную уже примерили, чтобы сидела, как надо. И чтобы не казалась уж слишком новой, неношеной. Пусть – немного помятой, потертой...

– Напоминаю, – продолжил Злобин, – для всех в том времени мы – специальная аэромобильная группа, приданная 9-й армии. Испытываем секретную модель аэросаней в боевой обстановке и в условиях зимнего времени. По приказу, полученному с самого верху... Так и говорите, если кто спросит. В подробности не вникать, а любопытных – грамотно отшивать: мол, государственная тайна. С особо настырными капитан Лепс разберется – он у нас отлично умеет людей обрабатывать...

Самоделов и Молохов улыбнулись – как же, сами видели. Здорово он прапора Михеенко сделал, просто любо-дорого было посмотреть. Класс! Леонид Лепс скромно потупил гла-

за – ну что вы, скажете тоже...

– Наши документы надежные, качественные, не подкопаться, – продолжал между тем Злобин, – любую проверку выдержат. Но и вы должны уметь правильно отвечать на вопросы, даже самые провокационные. Люди могут разные попасться, в том числе излишне бдительные. Отвечать же надо вежливо, но твердо: выполняем особое задание, раскрывать не имеем права. Что, кстати, полностью соответствует нашей легенде...

Все закивали – понятное дело, секретность прежде всего.

– В случае чего, – продолжил майор, – аэросани придется уничтожить. Если окажемся в окружении... Сами понимаете – война есть война, всякое может случиться.

Злобин заметил, как огорчился Сергей Самоделов, и добавил:

– Понимаю, что жалко, – машина отличная, но что делать: современные технологии ни в коем случае не должны оказаться в руках неподготовленных людей. И тем более – финнов. В общем, это даже не обсуждается. Теперь о нас самих: я – командир аэромобильной группы, капитан Лепс – мой заместитель и по совместительству военврач. Сергей Самоделов – наш водитель и радист, а Матвей Молохов – пулеметчик. Товарищ же Градский – военный инженер, представитель завода-изготовителя. Цель – испытать аэросани в зимних условиях и дать рекомендации для внедрения в производство. Ну а на самом деле – вы знаете, чем мы будем за-

ниматься. Генерал Бородин прав – задание трудное, гораздо сложнее того, что было раньше. Все-таки противник будет серьезный: умный, подготовленный, обученный, хорошо вооруженный, готовый, если надо, драться до последнего патрона. Но я уверен – мы победим!

Все загудели – конечно, Батя. Не сомневайся!

– Ладно, – улыбнулся майор, – я вижу, вы готовы. Но у нас еще есть время, советую вам посвятить его изучению матчасти и попрактиковаться в управлении аэросанями. Чтобы каждый умел водить – как свое собственное авто. Также рекомендую заглянуть в тир. Потренируйтесь в стрельбе из пистолета ТТ и автомата Дегтярева – уверен, что пригодится. Кроме того, каждое утро у нас будет политинформация. Товарищ Градский, – кивок в сторону профессора, – станет просвещать по поводу внешней и внутренней обстановки. Чтобы знали, чтобы от зубов отскакивало – где и что происходит! На вопросы, касающиеся политики партии, должны отвечать четко и уверенно, хоть посреди ночи разбуди. Мало ли кто решит проверить вашу политграмотность? Все ясно? Тогда – разойтись!

Глава третья

Гранит и булыжник, камень и лед. И мрачные, черные ели, сплошной стеной стоящие у края дороги. И всё – под толстым слоем снега. Да не такого, как в деревне, легкого и рассыпчатого, а тяжелого, смерзшегося... Тоже каменного, на века.

Как здесь только люди живут? На десяток верст вокруг – ни одной избы, ни одного домика, даже самого захудалого. И даже охотничьих заимок нет, хотя, похоже, зверь здесь водится. Медведи, олени, кабаны... Значит, и охотники должны быть.

Но ни одной души. Выйдет только из леса старый, матёрый лось, постоит, посмотрит на непонятно откуда взявшихся людей, и снова скроется в чаще. Или пронзительно крикнет какая-нибудь птица – тоже не наша, нерусская. Дико, холодно, сурово... И еще страшно.

Но бояться нельзя – иначе политрук, товарищ Саблин, опять ругаться будет. «Что это вы, товарищ Мешков, – скажет, – никак испугались? Противника, что ли, трусите? Так он сам нас боится. Сколько идем, а его все нет. Белофинны от нас по лесам и болотам давно разбежались. И это правильно: Красная армия, как говорится, всех сильнее...»

Так-то оно так, конечно, сила немаленькая. И что бояться белофинны – это правильно. Ведь им тоже, наверное, хоро-

шо известно, что мы с танками и пушками мощными идем. И воевать будем до полной нашей победы.

Недаром в нашей песне поется: «Мы войны не хотим, но себя защитим, оборону крепим мы недаром, и на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом!» Хорошая песня, любимая. Артисты ее всегда исполняют, когда в колхоз приезжают: «В целом мире нигде нету силы такой, чтобы нашу страну сокрушила, с нами Сталин родной, и железной рукой нас к победе ведет Ворошилов...»

Эх, сразу на душе легче, когда ее слышишь. Сколько раз сам ее пел – и в клубе вместе с друзьями, и один где-нибудь в поле или лесу. Просто так, для себя, для своего, так сказать, удовольствия. Очень помогает, настроение поднимает. Но сейчас петь что-то совсем не хочется...

Как перешли границу, так все идем и идем... Деревни финские видели, и не одну уже. Собственно, это даже не деревни, а так, усадьбы со строениями. Мызами называются, или хутора, если по-нашему. Хорошие у финнов дома, просторные, да и срублены на славу – из толстенных сосен. Надежно, крепко – на века. А сверху еще досками стругаными покрыты или железом – богато здешние крестьяне живут, не то что у нас... Дома и амбары у них тоже сплошь крепкие, аккуратные, на дворе – ни одной железки или деревяшки неприбранной. Серьезные люди финны, хозяйственные. Но все дворы, как один, пустые. Разбежались хозяева, попрятались...

А чего разбежались, спрашивается? Мы же освобождать их пришли, как товарищи по классу... Если ты трудовой человек, крестьянин, бояться тебе нечего. И некого. А вот если, скажем, кулак-мироед или буржуй...

Но не встречаются финны своих освободителей хлебом-солью, не радуются. Ох, плохо это. А мы все идем и идем. И куда, спрашивается? Не говорят, лишь гонят: «Скорей, скорей!» Который уже час шагаем, устали все, замерзли, а приказа на отдых все нет. Наоборот, только и слышно – давай-давай, шире шаг, не отставать! А вокруг все суровой делается, и темнеть уже начинает...

Эх, леса... У нас гораздо веселее – и чащи не такие мрачные, и зверья с птицей в них больше будет. Есть на кого с ружьишком пойти! Если повезет, можно не только зайца-беляка деду Трофиму на шапку добыть, но и лисицу – бабе Дуне на кацавейку. А то и волка. Это большая удача: за серого в леспромхозе целых двести рублей дают, да еще пять патронов в придачу. Как за отстрел опасного хищника. А вот интересно, волки здесь водятся? Должны быть. Раз есть лоси, кабаны и олени, значит, и они тоже...

* * *

– Эй, Мешков, чего замешкался? – услышал Иван за своей спиной насмешливый голос старшины Веселенко. – Опять о деревне думаешь? Кончай мечтать, Мешков, а то мешок

свой потеряешь!

И рассмеялся весело, раскатисто, во всю глотку.

Ну вот, опять любимая шуточка товарища старшины! Раз-ве виноват он, Иван Мешков, что фамилия такая? В деревне половина жителей ее носит, а вторая половина – или Степаны, или Хромовы. Все друг дружке родственники, считай, одна большая семья...

Иван тяжело вздохнул, вспомнил родную деревню, поправил на плече тяжелую, сползающую винтовку и сам себе приказал: «Терпи, боец». Как дед Трофим его в детстве учил: не реви никогда и никому не жалуйся, слабость свою не показывай. Бывало, расшибет он лоб или обдерет до крови коленку, вить хочется, а дед подойдет, по голове ласково погладит (рука у него сухая, шершавая) и скажет наставительно:

– Не реви, малец, нельзя. Ты же Мешков, а мы, Мешковы, никогда не плачем, даже когда очень больно бывало. Терпи, ты мужик! Стисни зубы и молчи, а иначе над тобой все смеяться станут.

Он и терпел, хотя иногда бывало очень больно. И если кто-то над ним насмеялся или обиду учинял... Никому не прощал, всегда первым лез в драку. Как настоящий боец. А тут – чего товарищ Веселенко на него взъелся? За что насмеяется?

Характер у старшины и правда веселый, любит разные шуточки и прибауточки. И потешается он не только над ним, молодым бойцом, но и над другими тоже... И любимая его

шуточка – склонять на все лады фамилии. В том числе его. И что он такого в ней нашел? Не хуже других, прямо скажем.

Вот, например, есть у них во взводе боец Бердыкмухаммедов, откуда-то из-под Куляба. С непривычки его фамилию не выговорить. Товарищ Веселенко поначалу сам спотыкался, когда его называл, а потом плюнул и объявил, что отныне будет звать его просто Мухаммедов. Так, мол, короче и понятней, особенно когда команду отдаешь.

И то верно: пока выговоришь: «Бердыкмухаммедов, в атаку!» – тебя сто раз убьют. А у него, у Мешкова, фамилия короткая, для военного дела очень пригодная. Недаром у них в роду все мужики солдатами были: родной прадед под Шипкой с турками дрался, дед – с японцами, а отец...

Отец же, Алексей Мешков, всю Германскую прошел. Единственный в деревне (почитай, и во всей округе тоже) из рядовых до офицера дослужился – получил чин прапорщика. Потом, в Гражданскую, – стал уже подпоручиком. Воевал на стороне белых (так вышло), за что его и расстреляли.

Не посмотрели красные, что он из крестьян, из трудового народа, поставили к стенке. Вместе с другими офицерами... А за что? Только за то, что погоны на плечах? Так ведь честно заработаны, храбростью и кровью. Как и два Георгия на груди. Но нет, расстреляли. Как врага...

Пришлось тогда деду, Трофиму Харитоновичу, и бабке, Авдотье Васильевне, самим маленького Ивана поднимать. Мать его, Екатерина Михайловна, вскоре тоже померла...

Иван снова вздохнул и с тоской посмотрел по сторонам (все те же камень и снег), потом прибавил шагу – не отстать бы. Рота сильно растянулась, шли не строем, а уже как получится. Понятное дело – дорога узкая, извилистая, а слева и справа – глубокие сугробы. Шагнешь в сторону – по пояс провалишься.

Холод и пустота, ни людей, ни зверья вокруг. А ночь уже скоро... Зимний день короток, особенно в конце декабря. Вон, солнце уже за верхушки елей цепляется. Когда же, наконец, привал объявят? Хоть посидеть у костра, чаю горячего попить да ноги согреть, а то совсем замерзли. В брезентовых сапогах-то холодно, как друг о дружку ни стучи, и осенняя шинель совсем не приспособлена для здешних морозов. О буденовке даже говорить не приходится – одно название, что головной убор, а так – ни ушей, ни лба не греет. Только затылок да макушку немного, вот и все.

Эх, сюда бы телогрейку и треух... У них в деревне зимой все в тулупах и валенках ходят, вот это – настоящая одежда! И тепло, и носко. А валенки – так вообще самая удобная обувь. И не только зимой – старики и старухи даже летом носят, ноги от болей спасают. А тут что? Форма осенняя, в какой у себя в части ходили, пока сюда не перебросили. А прибыли они с самого юга, с Украины, из-под города Тернополя. Там, конечно, тепло было, а здесь вдруг как ударили морозы!

Перебросили их спешно, в начале декабря, форму зимнюю выдать не успели. Погрузили в эшелоны и повезли куда-то. Сказали – форму на новом месте получите. Но или в штабе что-то напутали, или еще какая причина, однако получить обмундирование удалось не всем. Кому как повезло, кому что досталось. У одних – валенки при легкой шинельке, у других – зимняя шинель при летних сапогах. Слава Богу, хоть теплое белье да байковые портянки выдали, а то совсем было бы плохо.

Кто ж знал, что в здешних местах морозы такие лютые? Сначала еще ничего было, терпимо, а последние два дня очень холодно сделалось, особенно ночью. Как ни грейся у огня, как ни прыгай, все одно – не помогает. Пока идешь, ничего, а как встанешь... Мороз до костей пробирает. В роте уже десять человек обморожено, а сколько еще будет? Да, не учли...

Подняли их дивизию скоро, по тревоге, построили и сказали – едем на Север, освобождать финский народ от буржуазно-кулацкого элемента. Такая вот выпала дивизии честь – наступать в первых рядах Красной армии. Что, конечно, было почетно: дивизия – образцовая, гордость Киевского военного округа. Сорок четвертая Киевская краснознаменная стрелковая имени товарища Щорса... Со славной боевой историей и громкими победами. В Гражданскую она с петлюровцами и махновцами воевала, потом – с белополяками, а теперь и до белофиннов добралась...

И командир у них отличный, товарищ Алексей Иванович Виноградов. Умный, отважный, настоящий комбриг. Во главе дивизии идет, со штабом. И вооружение отличное – и пушки, и пулеметы, и даже танки с броневиками имеются. Бегите, белофинны! Жаль, что подвод мало дали, приходится пешедралом топать. А какой это будет бой, если человек уставший?

... Когда же привал? И есть уже хочется – кормили их рано утром, перед самым выступлением. Гонят целый день, почти без остановки. А ноги уже гудят, и спину от тяжелого вещмешка ломит, а винтовка – так весь правый бок отбила. Скорее бы привал. И еще очень курить охота – считай, целый день не дымил. На ходу нельзя, не положено, а на коротком привале было не до того – успеть бы в кусты сбегать да портянки перемотать. А то сойдутся они – и все, считай, остался без ног. Как тогда воевать?

Эх, сейчас бы затянуться! Махорочка у него своя, деревенская, самосадная, вкусная. Это не городские папиросы, по два рубля двадцать копеек коробка, а родная, домашняя. Бабка сама кисет шила и махры в него щедро насыпала – знает, что бойцу на войне нужно. Сначала мужа, деда Трофима, на войну собирала, потом сына, Алексея Трофимовича, отравила, а вот теперь и внука Ивана...

Стрелять начали сразу и со всех сторон. Резко, отрывисто защелкали винтовки – впереди, слева-справа и сзади. Удалили пулеметы – длинными, захлебывающимися очередями. Кто-то куда-то побежал, раздались громкие отрывистые команды, слышались первые стоны и крики раненых. Перед Мешковым рухнул на землю (точнее, на мерзлый, утоптаный снег) красноармеец Бельченко. Раскинул нелепо руки, как будто ударился обо что-то, и повалился на живот. Из простреленной головы потекла тонкая, красная, горячая струйка крови...

Иван встал как вкопанный. Он никогда раньше не видел, чтобы вот так, запросто, убивали человека. Собственно говоря, вообще этого никогда не видел. Его замутило... Вроде бы и на охоту он ходил не один раз, и зверя добывал (даже волков!), к крови, кажется, должен быть привычный, но вот... Растерялся, замер на дороге, мешая себе и остальным. Его толкали, пихали, куда-то гнали, отдавали приказы... Но он как будто ничего не видел и не слышал – словно умер на какое-то время. А перед глазами все стояло бледное, удивленное лицо Бельченко – за что, товарищи?

Пришел в себя Иван только тогда, когда был уже в безопасном месте – спрятался за полуторкой, вставшей на обочине. Рядом с ним укрылись еще несколько человек из взво-

да. Среди них был и товарищ Веселенко. Это успокаивало: он наверняка знает, что надо делать в таких случаях...

Но старшина лишь матерился и глупо повторял: «Да как, да почему? Здесь наши давно прошли, все проверили...» Не похоже, чтобы он мог что-либо сделать. Он, кажется, не был в состоянии даже отдать нужные команды, как-то организовать оборону...

А огонь между тем усиливался – из темноты, из-за черных елей гремели уже не отдельные выстрелы, а неслись залпы, перемежающиеся длинными пулеметными очередями, которые косили растерянных, бегущих красноармейцев, словно траву в сенокос. Самые сообразительные бойцы сразу же залегли под грузовиками или двуколками, а другие, кто не успел, плюхнулись прямо посреди дороги. Многие из них уже были убиты. Лежали, уставив в пустое финское небо мертвые глаза...

Были еще и раненые, они лежали и стонали, призывая на помощь. Но подойти к ним (и даже подползти) не представлялось возможным – при любой попытке высунуться следовал быстрый, и, как правило, точный выстрел. И боец зарывался в холодный снег... Видимо, в лесу прятались финские снайперы. Они били точно, без промаха. Били, как зверя во время охоты...

... А старшина Веселенко все ругался, а время шло и шло. И спасения, похоже, не было. Неоткуда и не от кого. Иван сжался у колес полуторки, закрыл глаза и начал молиться

– как его учила бабушка в детстве: «Отче наш, иже еси на небеси, да светится имя Твое, да будет воля Твоя...» В общем, спаси нас и сохрани! Только на Него одного и была надежда...

* * *

Спасение пришло, откуда и не ждали – прямо из леса. На опушке закружился, заметелился снег, и из белой круговерти вынырнула удивительная машина – стремительная, гладкая, на широких лыжах. На крыше – пулемет, позади – бешено вращающийся винт, совсем как у самолета. Но главное – на боках и носу красные звезды. Значит, своя. Рев диковинного аппарата даже перекрыл раскатистый треск винтовок...

Финны удивились и на время прекратили огонь – что за чудо, откуда оно взялось? А подивиться было на что: стремительные аэросани легко развернулись и понеслись на вырубку бойцам Красной армии. На крыше откинулся люк, показалась крупная фигура в белом маскхалате. На голове – стальная каска, тоже с красной звездой. Точно – свои, русские!

Пулеметчик дал короткую очередь по финнам на опушке. Попал – несколько человек оказались раненными. Да и трудно было не попасть с такого расстояния, бил почти в упор. Затем боец надолго припал к пулемету и стал густо поливать финнов огнем...

Те опомнились и ответили дружными винтовочными залпами, но их выстрелы, что удивительно, вреда машине почти не причиняли: пули отскакивали от нее, как резиновые мячики, оставляя лишь длинные рваные царапины на борту. Фанера и краска отлетали, но под ними обнаружилась хорошая защита – из какого-то незнакомого, но, очевидно, очень прочного материала...

Командир финнов приказал отходить – надо спастись от незнакомой русской машины, против которой их винтовки и даже пулеметы оказались совершенно бесполезны... Через пять минут на опушке никого уже не осталось, финские стрелки отошли в лес.

Красноармейцы смогли чуть приподнять головы и перевести дух...

Боевая машина еще раз прошла по опушке, поливая свинцом отступающих, а затем подлетела к танкистам, залегшим у своих Т-26.

Из аэросаней неспешно вылез командир с двумя «угольниками» на рукаве и двумя «шпалами» на ворота шинели – майор. Судя по черному цвету петлиц и латунному танку на них – автобронетанковые войска.

– Ну что, живы? – обратился он к уцелевшим танкистам.

Те вылезли из укрытий, осмотрелись – опасности, кажется, уже нет. Лейтенант Фоменко, старший среди танкистов, доложил:

– Так точно, товарищ майор, живы! Наши потери – три человека убитых, и еще один – раненый...

Он кивнул на сержанта, зажимавшего рукой правый бок. Черный комбинезон уже пропитался кровью...

– Срочно несите его в госпиталь, – приказал майор, – а мы вас прикроем. Хотя, думаю, финны уже не сунутся...

– Здорово вы их, – искренне восхитился лейтенант, – дали так, что любо-дорого было посмотреть! Бегут небось сейчас, драпают. А можно спросить, товарищ майор, что это у вас за машина такая? Я раньше никогда таких не видел. Вроде бы аэросани, но какие-то необычные, с пулеметом...

– Экспериментальная модель, – ответил Злобин, – проводим испытания.

– Первые в Красной армии пулеметные бронесани, – добавил, появляясь из люка, Матвей Молохов, – прошу любить и жаловать.

Он снял летные очки, защищавшие лицо от ветра и снега, и прищурился на зимнее солнце. Финны отступили, можно немного расслабиться. Но свой пулемет он держал стволом в сторону леса – на всякий случай.

– Верно, – кивнул майор Злобин, – броневые аэросани.

– И сейчас они прошли огневое крещение, – продолжил Молохов, – проверили их в бою. И очень даже неплохо получилось...

Ему хотелось поговорить, выплеснуть энергию, которой осталось много после слишком короткого боя...

– Да, неплохо, – согласился Злобин, – но это только начало...

И добавил уже строго:

– Заканчивайте, товарищ Молохов, болтать, займитесь лучше делом – пополните запас патронов у танкистов. Им пулеметы пока не понадобятся, машины в ремонт пойдут. И закройте люк, а то выстудите весь салон. А вы, товарищ лейтенант, везите раненого в госпиталь, а то он у вас кровью истечет, пока вы здесь нашу машину рассматриваете. Впрочем, сейчас ему помогут, у нас есть военврач...

Злобин что-то сказал капитану Лепсу, и тот подошел к раненому. В руках у него была санитарная сумка.

– Давайте посмотрю, – сказал Леонид.

Фоменко помог стянуть с сержанта комбез, а потом и гимнастерку. Рана, к счастью, оказалась неопасной – пуля прошла навылет, не задев ни одного жизненно важного органа.

– Крови вы потеряли много, но жить будете, – констатировал капитан. – В принципе даже воевать сможете.

Он промыл рану спиртом, залил йодом и ловко забинтовал. Сержант морщился, но терпел, понимая, что все делается ради его же блага. Через несколько минут раненого положили на плащ-палатку и понесли на шоссе – везти на попутке в полевой госпиталь.

К аэросаням подтянулись уцелевшие танкисты, стали разглядывать необычную машину. Постукивали по бокам и не верили, что такая тонкая броня (не толще фанеры!) сможет

выдержать винтовочную пулю. И даже от крупнокалиберного пулемета...

– Особая броня, – слегка подбоченясь, пояснял Матвей Молохов, – из специальной стали. Новейшие разработки, совершенно секретные...

Танкисты с уважением осматривали аэросани – надо же, совершенно секретные! Но самое большое впечатление на них произвело то, что внутри салона было тепло, и даже окна не запотели. А вот у них, в их стальных гробах, к броне было совершенно невозможно прикоснуться – замерзла насквозь, иней лежал изнутри...

Матвей с удовольствием играл роль бравого вояки. Впрочем, в глазах танкистов он и являлся таковым – герой, только что спасший их от, казалось бы, неминуемой гибели. И выглядел соответствующе – настоящий русский богатырь, кося сажень в плечах, кулак – что голова ребенка. Худенькие и, как правило, невысокие танкисты смотрелись рядом с ним хилыми недомерками...

– А если финское орудие по вам ударит, то как, пробьет? – поинтересовались танкисты.

– Пробьет, – честно признался Молохов, – но по нам еще попасть надо – при нашей-то скорости и маневренности. Сами же видели, как мы по полю носились! Ни в жизнь не попасть! Недаром же нас называют «летающим танком»...

Майор Злобин улыбнулся – ну и расхвастался же Матвей! Однако останавливать его не стал – пусть травит байки про

грозный и непобедимый «летающий танк», новое русское секретное оружие. Может, еще пригодится. Умная ложь на войне – тоже нужное дело. Противник должен нас заранее бояться!

Через некоторое время майор приказал:

– Всем по местам, едем дальше.

– Может, подсобим ребятам с завалом? – предложил Молохов. – Кинем пару гранат?

– Нет, без нас разберут, – махнул Злобин, – народу там хватит. А нам надо скорее в Суомуссалми...

И уже тихо, чтобы никто не слышал, добавил:

– Завтра первый батальон 305-го стрелкового полка попадет в засаду и понесет большие потери. Надо спасти людей...

Матвей Молохов подмигнул танкистам (бывайте, ребята!), помахал на прощание рукой и полез в машину. Майор Злобин привычно уселся впереди, рядом с Сергеем Самоделовым, капитан Лепс вернулся в салон.

Мотор взревел, винт бешено закрутился, и машина, поднимая снежную пыль, понеслась по белой целине, оставляя после себя три глубокие лыжные колеи...

Глава четвертая

На ночлег решили встать рядом с какой-нибудь частью. Во-первых, безопасней, а во-вторых, надо поближе познакомиться с бойцами Красной армии... Вместе предстоит сражаться с финнами, плечом к плечу. По крайней мере, в течение ближайших нескольких недель. А то и больше...

Объехали завал, который уже стали разбирать красноармейцы, прошли еще пару километров по шоссе. Необычные аэросани привлекали всеобщее внимание, всем было интересно – что за странная техника? Но бойцы замечали яркие пятиконечные звезды на бортах и с уважением говорили: «Надо же, какие машины, оказывается, имеются в Красной армии! Грозные, красивые, одно загляденье!»

Наконец уперлись в повозки, которые прочно закупирили всю проезжую часть. Майор Злобин вылез из аэросаней и пошел разбираться, в чем дело. А заодно решил ноги размять, а то засиделся в санях... С собой взял Матвея Молохова – в качестве сопровождающего. И для солидности, конечно. Оказалось, что впереди намертво встал 56-й отдельный противотанковый дивизион. Артиллеристы напоролись на финскую засаду, но в отличие от пехоты не растерялись, а вступили в бой. Благо развернуть легкие «сорокапятки» особого труда не составило – даже на скользкой, занесенной снегом зимней дороге они легко выкатывались на позиции.

Командир дивизиона капитан Логинов приказал занять круговую оборону и бить по противнику. Толку от стрельбы, правда, было мало, серьезного урона нападающим она не нанесла, зато имела психологический эффект: финны, поняв, что им готовятся дать серьезный отпор, решили ретироваться. Собственно, они не планировали ввязываться в настоящий бой, цель у них была иная – обстрелять колонну и закупорить движение.

И это им великолепно удалось: дивизион встал намертво, люди и лошади сбились в кучу, орудия и повозки забили всю дорогу. Ни туда ни сюда. Остановился и стрелковый батальон, идущий следом, а за ним – и вся маршевая колонна 305-го стрелкового полка, растянувшаяся на добрых три километра... Финны постреляли немного и незаметно отошли, растворились в зимнем лесу. Преследовать их не стали – найди в такой чаще!

Капитан Логинов, поняв, что настоящего сражения не будет, приказал прекратить огонь. Оттащили в сторону разбитые двуколки и убитых лошадей, погрузили раненых на грузовики – везти в госпиталь, а погибших красноармейцев положили просто на повозку. Сейчас хоронить некогда, позже как-нибудь...

Стали снова вытягиваться в колонну, чтобы идти дальше. Но тут выяснилось, что лошадей не хватает – противник выбил едва ли не половину живой тягловой силы. Расчет у финнов был простой – нет лошадей, некому тащить пушки, зна-

чит, артиллеристы не попадут вовремя к месту боя. И советские батальоны останутся без такой необходимой огневой поддержки. А как атаковать укрепления, если артиллерии нет? Не с голыми же руками!

Тяжело вздохнув, капитан Логинов приказал бросить часть телег у дороги, взять только боеприпасы. Перепрягли оставшихся лошадей, выстроились в колонну, пошли дальше. Красноармейцы после боя были возбуждены (все-таки первое настоящее сражение!), переговаривались, громко делились впечатлениями.

– Как свистнет пуля над головой, так все, думаю, следующая – точно моя. Страшно стало – не хочется умирать!

– А я вот нисколько не испугался!

– Бреешь, Никольчук, я сам видел, как ты под телегу залез и голову руками прикрыл. Даже винтовку свою бросил, вот как испугался!

– Не прятался я, товарищ сержант, а ящики со снарядами доставал. Мне товарищ старшина приказал. Можете сами спросить!

– Ага, доставал, как же... Два раза тебе кричали, чтобы снаряды нес, а тебя все нет... Слишком тяжелые ящики были? Так, что ли?

– Да ладно вам!

– Ничего, Никольчук, не тушуйся, всем страшно было. И тебе, и мне, и вот ему тоже. И даже товарищу лейтенанту – вон какой бледный идет, до сих пор отойти не может. А,

казалось бы, командир...

– Оставить разговоры, шире шаг! Не растягиваться!

Это капитан Логинов грозно окрикнул своих подчиненных. Он верхом на лошади объезжал свои батареи и смотрел, чтобы бойцы не слишком растягивались и не отставали. Надо успеть до темноты наверстать упущенное, догнать своих. А то, не дай бог, финны опять нападут, тогда точно до завтра не успеем...

Но начало темнеть, солнце ушло за верхушки сосен... Зимний день короток, серенький свет сменился фиолетовыми сумерками. А очень скоро наступит ночь... Идти же в темноте было очень опасно: того и гляди – нарвешься на финскую засаду. Капитан Логинов подумал и решил устраиваться на ночлег. Пусть и опоздают они, зато целые доберутся...

В этот момент к нему и подошел майор Злобин, сопровождаемый Матвеем Молоховым. Тот играл роль не столько ординарца, сколько телохранителя – финны же рядом. На груди у старшего лейтенанта плавно покачивался новенький пистолет-пулемет Дегтярева с длинным ребристым «рожком». В отличие от стандартного секторного магазина, в этот влезало в два раза больше патронов (не двадцать пять, а пятьдесят два), причем патронов специальных, сделанных по заказу в Институте времени. Их убойная сила была гораздо выше, чем у обычных, советских. Что давало серьезные преимущества в бою...

Капитан Логинов заметил гостей и произнес:

– Здравия желаю, товарищ майор! Мы видели, как вы финнов славно били. Здрóрово вы им наваляли! Эх, нам бы парочку таких машин, всю чухню бы эту давно разогнали! А то не дают и шага спокойно ступить, то и дело обстреливают. Да завалы на дороге устраивают, ни пройти ни проехать...

Злобин поздоровался:

– Здравия желаю! А я к вам, товарищ капитан, по делу. Темно скоро, дальше идти нельзя. Мы не можем рисковать нашей машиной, она, сами понимаете, новая и очень непростая...

– Так ночуйте с нами! – вступил в разговор начштаба дивизиона Александр Головин (тоже капитан). – В компании веселее. Особенно в такой хорошей!

– Спасибо, – поблагодарил Злобин, – принимаю ваше приглашение. Вместе правда веселей, да и спокойней тоже. Но у меня, товарищи, будет к вам одна просьба – надо выставить возле нашей машины дополнительный пост. На всякий случай. И от белофиннов, и от прочих любопытных... Как говорится, в качестве боевой помощи и дружеской поддержки.

– Хорошо, – кивнул Головин, – распоряжусь. А вы сами, товарищ майор, где ночевать будете? Прямо возле машины? Отдельно палатку себе поставите? А то давайте с нами, у нас палатка хорошая, теплая. И даже «буржуйка» имеется...

– Нет, в самих аэросанях, – пояснил Злобин. – Нам машину оставлять без присмотра нельзя...

– А не холодно будет? – удивился Головин. – Ночью мороз – до тридцати градусов... Не окоченеете?

– Нет, – покачал головой майор Злобин, – у нас в санях печка отличная имеется, электрическая. Греет не хуже любой «буржуйки», а то и лучше.

– Может, тогда просто заглянете к нам в гости? – предложил начштаба. – Посидим, поговорим, выпьем чуть – ради знакомства...

Его разбирало любопытство – хотелось побольше узнать о диковинной машине и необычном экипаже.

– Спасибо, заглянем, – поблагодарил Злобин. – Как закончим свои дела, так сразу и придем. Почему бы нет?

Головин улыбнулся – ладно, договорились.

– А насчет поста не беспокойтесь, – добавил он, – сейчас отдам приказ. И еще парный патруль отправлю возле вашей машины ходить. Тоже, думаю, не лишнее будет...

Майор кивнул – спасибо, товарищ.

Злобин и Молохов оставили гостеприимных артиллеристов и направились к аэросаням.

– Товарищ майор, – обратился Матвей, – мы и правда к ним пойдем?

– Да, – кивнул Злобин, – надо установить товарищеские отношения, может пригодиться. А что? Посидим, поговорим, и главное – послушаем. Какое настроение у бойцов, какие слухи ходят... Тоже будет полезная информация! А за-

одно и вас испытываем, как хорошо свои легенды выучили и в роль вошли. Считайте, это будет ваша последняя проверка...

— Кто пойдет? — спросил Молохов. — Кому-то надо и в машине остаться, охранять ее...

— Думаю, я, Лепс и ты, — решил Злобин, — а Самоделова с Паном Профессором мы оставим в лагере. Сергею все равно наши разговоры неинтересны — у него свои железки на уме, а Пан Профессор — человек сугубо гражданский, хоть и носит сейчас военную форму. Не дай бог, ненароком себя выдаст... Ему еще рано изображать из себя вояку. А вот вам с Леонидом полезно пообщаться и обкатать свои легенды...

На этом разговор закончился. Собственно, говорить было не о чем — и так все понятно. Надо — значит, надо. Приказы командира, как известно, не обсуждаются, а выполняются. Каждый член группы Спасателей времени хорошо знал это...

* * *

Через час собрались идти: взяли пол-литра спирта, три банки свиной тушенки (разумеется, без этикеток) и пару буханок белого хлеба. Его надо срочно есть, иначе зачерствеет. Прихватили немного сыра — как десерт. В общем, простенько и вкусно.

Артиллеристы уже ждали их. В палатке собралось всё местное начальство: командир дивизиона капитан Логинов,

начштаба Головин и еще старший политрук Дмитриев. Внутрь было натоплено, «буржуйка» грела действительно хорошо. Сосновые дрова весело трещали, распространяя чуть горький, смолянистый запах, и уже закипал черный, закопченный чайник. Как говорится, и тепло, и уютно...

Познакомились, пожали друг другу руки. С представлением, кстати, вышла небольшая заминка. Начштаба Головин обратился к Злобину:

– Товарищ майор, а как вас называть?

– В смысле? – не понял Злобин.

– У вас на петлицах танки, – пояснил Головин, – но вы не танкисты, у вас, как я вижу, аэросани. Так кто же вы? Аэросанщики?

– Нет, – подумав, ответил майор, – бронелетчики. Наши аэросани – новый вид машин, бронелеты называются. Они сочетают в себе преимущество танка и скорость самолета, то есть броню, огневую мощь и маневренность. Мы буквально летаем над землей!

Капитан Лепс удивленно посмотрел на командира – что еще за бронелет? Ведь договаривались – пулеметные аэросани... Но ничего не сказал. В конце концов, почему нет? Звучит неплохо, и вполне по-нашему, по-боевому...

Наконец расселись вокруг стола – двух досок, положенных прямо на пустые снарядные ящики. Они же, ящики, служили стульями, а также, судя по всему, и кроватями для состава дивизиона. Что поделать, условия походные, воен-

ные, тут не до комфорта. Слава богу, что не приходится спать под открытым небом, на снегу...

На столе уже стоял нехитрый ужин – пшенка, еще дымящаяся и пузырящаяся от жара. Быстро разогрели тушенку, добавили в кашу, хорошенько помешали и получилось очень даже ничего – сытно и вкусно. Артиллеристы очень обрадовались белому хлебу – давно не видели: 70-й полевой хлебозавод где-то застрял, и бойцы уже третий день грызли твердые, холодные сухари. А тут – мягкая, нежная булка, от которой еще, кажется, пахнет теплом... Да еще свежий сыр! Просто царские угощения!

– Богато вы живете, – с завистью произнес капитан Головин, – спецснабжение, так?

– Так, – подтвердил Леонид Лепс, – у нас работа особая, опасная, испытываем новую боевую технику, вот и снабжение – соответствующее.

– Ладно, товарищи, давайте есть, – вмешался в разговор командир дивизиона Логинов, – а то каша стынет!

– Ну, за встречу, – предложил тост майор Злобин, – как говорится, будем знакомы!

Пили прямо из железных кружек – спирт, наполовину разбавленный водой. Артиллеристы, приняв на грудь, одобрителем закричали – хороший спирт у товарищей бронелетчиков, чистейший. После чего еще больше их зауважали. Надо же, какое классное снабжение! Тушенка, спирт, свежий хлеб, да еще сыр...

Разложили по мискам горячую кашу, застучали ложками. Все налегли на еду: проголодались за день, нагуляли аппетит. Точнее, настроляли и наездили. Второй тост, как полагается, подняли за хозяев («Слава советским артиллеристам!»), третий – за гостей, храбрых бронелетчиков, четвертый, само собой, за товарища Сталина.

От еды и спирта командиры размякли, распарились, растегнули шинели, а затем и вовсе сняли их. Лица раскраснелись, разговоры стали громче и свободнее.

– Пулеметные аэросани, или бронелет, – продолжал разъяснять майор Злобин, – по сути своей, летательный аппарат, но с броней. Скорость – как у самолета, защита – как у легкого танка. Стоит авиационный двигатель, а на нем – толкающий пропеллер. Проходимость просто невероятная, можем идти и по снегу, и по болоту, и даже по голой земле – если поставить на колеса, есть такая возможность. По асфальту и бетонке даем до ста двадцати километров в час, по бездорожью, сами понимаете, гораздо меньше. Но тоже ничего... Зато нигде и никогда не вязнем!

– Класс! – искренне восхитился капитан Головин. – Эх, нам бы таких бронелетов... А то как распутица – в каждой яме сидишь, проваливаешься по самое не балуй, пушки приходится на руках выносить. Лошади, бывает, не могут вытащить... А тракторов нам не дают – не положено, говорят, только для гаубиц...

– Бронелет в основном для диверсионных операций пред-

назначен, – пояснял Злобин, – пробраться в тыл, ударить по противнику... Уничтожить штаб или склад, обстрелять эшелоны на станции... Налетели, взорвали – и нет нас. Ищи-свищи ветра в поле! Идеальная машина для нападения, ни у кого такой еще нет! А в случае опасности – легко маскируемся: закидаем ветками, засыплем снегом, и пропали из вида. Кстати, прятать бронелет легче, чем танк или бронеавтомобиль – размеры гораздо меньше. А если еще приделать снизу поплавки, то можно даже водные преграды форсировать, например небольшие реки или озера...

Начштаба Головин с уважением смотрел на Злобина – да, о такой машине можно только мечтать. Надо же, чего не придумают наши славные инженеры и конструкторы!

– А много ли таких бронелетов уже есть в Красной армии? – спросил, осмелев, старший политрук Дмитриев. – Это я к тому, что сейчас очень быгодились – здесь, в Финляндии, зимой...

– Нет, наш бронелет – опытный образец, – покачал головой майор Злобин, – еще только испытываем. Вот проверим в бою, посмотрим, на что годится, и дадим свою рекомендацию. Если покажет себя хорошо (а для этого имеются уже все основания), то его запустят в серию. Наладят производство и наштампуют, сколько надо. Возможно, будут даже целые бронелетные батальоны – как танковые. Но это в планах, а сейчас бронелет только проходит проверку...

– Эх, жалко, – расстроился политрук, – не дожидаться нам

такой техники, война быстрее закончится, чем они появятся. Еще две-три недели, и белофинны запросят мира. Вот увидите – к 23 февраля уже дома будем. И с победой, конечно!

– Это вряд ли, – скептически заметил Леонид Лепс, – у нас сильный и очень опасный противник, не стоит его недооценивать...

– Что вы! – иронично усмехнулся политрук. – Куда им против нас! И орудий, и бронемашин, и танков у нас намного больше, да и помощнее они... А уж об авиации я и не говорю – считай, у финнов истребителей почти нет. И куда им против «сталинских соколов»! Я слышал, наши СБ-2 свободно над Хельсинки летают, и белофинны ничего сделать не могут – нет хороших зениток...

– Но расслабляться не надо, – упрямо повторил Лепс, – особенно вам, артиллеристам. Сегодня сколько лошадей потеряли? Половину? А завтра что будет? На ком пушки повезете, если тягловую силу финны перебьют? На себе потащите?

Капитан Логинов озабоченно крикнул – это его самое болезненное место. В самом деле, если противник перебьет лошадей, придется волочь орудия на себе. А для бойцов, которые уже третьи сутки ночуют в чистом поле, на снегу, да еще без горячей еды, это будет непросто. Нет, конечно, если надо – потащим, куда денемся, но тогда не успеем вовремя прибыть на передовую. Что чревато серьезными последствиями – и для него, и для дивизиона...

– Откуда у вас такие пораженческие настроения? – иронично спросил старший политрук. – Вы скажите, кто кого бьет? Мы белофиннов или они нас? Что-то я вас не понимаю, товарищ капитан...

Стало заметно, что политрук серьезно пьян (много ли надо молодому человеку, да еще на голодный желудок?), его уже заносит. Леонид Лепс осторожно толкнул Логинова – приглядели бы за своим товарищем, мало ли... Тот понимающе кивнул – хорошо. И тут же отодвинул от изрядно захмелевшего Дмитриева кружку со спиртом.

Тот, впрочем, этого не заметил – он увлеченно доказывал Молохову, что их «сорокапятки» могут бить «Виккерсы». Причем на хорошем расстоянии. Что говорить о другой финской технике? Вмиг ее разнесут!

Матвей не спорил – было хорошо известно, что у «Виккерсов» – слабая броня, не выдерживает прямого попадания бронебойного снаряда. Даже от «сорокапятки». Чего тогда спорить? Но пьяный политрук все твердил и твердил... И особенно напирал на то, что он нисколько не боится белофиннов. Не то что некоторые из присутствующих здесь старших товарищей...

– Завтра мы тоже вместе поедем? – спросил у Злобина капитан Головин, чтобы отвлечь внимание гостей от своего слишком пьяного товарища.

– Нет, нам надо скорее добраться до Суомуссалми, – ответил майор, – пойдем на максимальной скорости. А ваши

кобылки, уж извините меня, еле тащатся...

– Понятно, – кивнул начштаба, – спешите на выручку 163-й. Хорошее дело, и мы туда же. Говорят, под Суомуссалми горячо сейчас, попали наши в хорошую передрагу...

– Да, я слышал, – кивнул Злобин, – но ясно будет только на месте. Вот доберемся, тогда и разберемся...

Он улыбнулся – надо же, в рифму получилось.

– По Раатской дороге не сильно разгонишься, – с сомнением покачал головой Логинов, – то завалы, то белофинны стреляют. А иногда и наши им помогают, заторы устраивают. Заглохнет какой-нибудь грузовик на полпути – и все, приехали. Все стоят, ждут. Ни объехать, ни обойти, целая история. И снег вокруг глубокий, и финские мины по обочинам. Сколько уже наших подорвалось, не счесть! Сам недавно видел...

Майор Злобин кивнул – да, верно, но приказ есть приказ...

– Мы хотим через Куйвас-ярви прорваться, – вступил в разговор Леонид Лепс, – по озеру проскочить. Мы же легкие, не танк или броневик, полетим, как птица, и даже льда не покорябаем. Десять-пятнадцать минут – и на месте. Встречайте, хозяева дорогие!

– Я слышал, – покосился на нетрезвого политрука начштаба Головин, – что белофинны 759-й полк в плотное кольцо взяли. Ни туда ни сюда... В общем, тяжело им приходится. Мы тоже спешим, но, сами видите, быстро не получается,

стоим на каждом километре. А если белофинны еще и лошадей перебьют... Действительно, придется самим впрягаться и тащить!

– А что, и потащим! – хвастливо заявил политрук Дмитриев, услышав последнюю фразу. – Подумаешь! Если надо, я и один смогу...

Майор Злобин толкнул Молохова – выйди с парнем на свежий воздух, пусть проветрится. Матвей кивнул – понятно. Взял не в меру разговорчивого политрука в охапку и выволок на мороз.

– Пойдем, брат, покурим, а то, смотрю, ты слишком много болтать стал...

Капитан Логинов благодарно кивнул – спасибо. Когда Молохов и Дмитриев удалились, Лепс предложил:

– А давайте мы вам поможем. У нашего бронелета мотор мощный, возьмем на прицеп пару ваших пушек и потащим. Как на буксире. И еще людей – сзади, на повозках. Можно и снаряды захватить – все, что требуется...

– А выдержит мотор? – с сомнением покачал головой Логинов. – Вдруг заглохнет, силы не хватит? И встанем мы посреди леса, у белофиннов на самом виду. Спасибо, конечно, товарищи, но лошадки – как-то привычней и надежней...

– И сколько их у вас осталось? – иронически хмыкнул Лепс. – По одной на орудие? А если завтра еще перебьют? У нас же – двести «лошадей» в двигателе, считай, целый табун.

И, поймав быстрый взгляд Злобина (не болтай лишнего!),

тут же добавил:

– В смысле, хватит силы, выдержит двигатель, даже не сомневайтесь. Сделаем так: прицепим к бронелету «паровозиком» пару «сорокапятков» и еще две-три повозки с людьми и снарядами. И – потащим, полегоньку, потихоньку... Дорога, кажется, уже накатанная, скольжение будет хорошее. Конечно, пропеллер дает сильный вихрь... Но ничего, потерпят ваши бойцы, здесь в принципе недалеко. Зато доставим вас с ветерком и почти с комфортом...

– Не пойму я, зачем вам это нужно, – пожал плечами Логинов, – в смысле – возиться с нами. У вас же есть приказ – идти скорее в Суомуссалми. Сами говорили...

– Своя выгода, – улыбнулся капитан Лепс, – мы поможем вам, а вы – нам. Поддержите огнем, когда мы брать финские позиции будем. Без артиллерии у нас ничего не получится... Да и вообще: мы с вами одно дело делаем, бьем одного врага, а выручка в бою – первое дело. Как говорил великий Суворов, сам погибай, а товарища выручай!

И, видя сомнение Логинова, прибавил:

– Если вы сами пойдете, без нашей помощи, то только к вечеру до Суомуссалми доберетесь. Это в лучшем случае. Что тогда в штабе дивизии скажут? А с нами – уже через час на передовой будете...

Логинов почесал в затылке и решил – ладно, уговорили. В самом деле, почему бы не рискнуть? Лошадей в дивизионе действительно остро не хватает, осталось в самый притык. А

тут две пушки на передовую доставят, да еще вместе с расчетами и боеприпасами...

– И я с вами поеду, – сказал Логинов, – буду помогать, если что...

Злобин кивнул – ладно. Дело понятное: Логинов решил поучаствовать во взятии Суомуссалми, отличиться перед начальством. Что же, имеет право.

Ужин затянулся почти до полуночи. Наконец Злобин поднялся из-за стола:

– Спасибо, товарищи артиллеристы, но нам пора отдыхать. Да и вам тоже. Завтра трудный день... И так все уже устали, клюют носом, а ваш Дмитриев – так вообще задремал на ящиках...

На этом и расстались. Политрука же укрыли шинелью и решили не трогать – пусть проспится.

На обратном пути Злобин кивнул Лепсу:

– Молодец, Леонид, ты это здорово придумал – с пушками. Чтобы подхватить на прицеп и «паровозиком» потащить...

– Башка варит, – усмехнулся капитан. – Я подумал: завтра нам артиллерия очень понадобится. Финны хорошо укрепились, подготовились – дай боже. Время-то у них было... Закрылись в землю по самые макушки, наделали ходов, траншей. И еще доты, пулеметные гнезда, колючая проволока в три ряда... С ходу не возьмешь. А если притащить пушки и

дать по ним огоньку... Выкурим без проблем. Или, по крайней мере, заставим на дне окопов лежать и не высываться. Но, скорее всего, они сидеть до упора не будут – не такие храбрые вояки, умирать вряд ли захотят. Даже за свою любимую Суоми. Как всегда – постреляют немного и отойдут...

– Верно, – согласился Злобин, – сработает. Или, по крайней мере, даст нужный эффект. Финны рассчитывают затянуть бой, а тут мы с пушками на их головы! И еще с бронелетом! Вряд ли усидят. Отгоним их подальше от Суомуссалми, освободим 163-ю дивизию – и, считай, задание выполнено. Сил у Красной армии для победы достаточно, надо только правильно их распределить, толково все организовать. Не топтаться на одном месте, не мешать друг другу, а действовать расчетливо, с умом. Тогда и успех будет. Верно ведь говорят: воевать надо не числом, а умением. Хотя... Смотрю я на некоторых красных командиров и думаю: «Эх, вас бы к Александру Васильевичу, поучиться годик или даже два. Сразу бы другими стали!»

Майор тяжело вздохнул и ускорил шаг – мороз больно щипал за щеки и за нос, да и ветер поднялся, полетели колющие снежные хлопья... Не дай бог, завтра всю дорогу занесет...

Глава пятая

Утро началось с проблем. Во-первых, выяснилось, что ночная метель все-таки занесла Раатскую дорогу, и она стала окончательно непроходимой. Точнее, непроезжей. Это означало, что, скорее всего, придется идти по обочине, что было весьма опасно – финны нередко ставили мины по краям дороги, перекрывая пути объезда.

Собственно, они только тем и занимались, что устраивали для советских войск ямы-ловушки, минировали дорогу и обстреливали из засад проходившие части. В прямой бой не вступали – при малейшем отпоре благоразумно отходили, растворялись в лесу, понимая, что ответного удара им не выдержать.

Но вечно такая партизанщина продолжаться, конечно, не могла – в конце концов отступить будет некуда. Суоми – это вам не Россия, размеры совсем не те. И финны это четко понимали, а потому с каждым днем их сопротивление все усиливалось: атаки становилось яростнее, нападения – организованные, вылазки – наглые...

Тем не менее советские части упорно пробивались вперед. Шла и 44-я дивизия, пока, наконец, не уперлись в отлично подготовленные позиции между озерами Куйвас-ярви и Куоми-ярви. Тогда встали плотно – у передового батальона 305-го стрелкового полка не получилось с ходу преодолеть

глубоко эшелонированную оборону противника.

Финны к приходу советских войск подготовились весьма основательно – вырыли многочисленные ловушки, «волчьи ямы», заминировали подступы, сделали удобные транши и ходы сообщений, оборудованные стрелковыми ячейками и пулеметными гнездами...

Место для обороны выбрали на редкость удачно: по бокам – густой еловый лес, впереди – извилистая дорога, а позади – небольшие холмы, на которых удобно расположились минометные батареи. Все подступы к окопам простреливались, а фланги надежно прикрывали снайперы, державшие под прицелом даже узкие тропинки...

Две роты 25-го стрелкового полка, выдвинувшиеся на помощь забуксовавшему 305-му, попытались сунуться с другой стороны, обойти финнов по льду озера Куоми-ярви, но попали под плотный минометный обстрел (с холмов их было видно как на ладони) и с большими потерями отошли. Кое-как закрепились на опушке леса и стали ждать подмоги, и в первую очередь – артиллеристов. Но те все не шли и не шли...

Точнее, шли, но с большим трудом, еле-еле продираясь сквозь бесконечные завалы и дорожные заторы. Последние, кстати, возникали в основном по вине самих же водителей – не привыкли обслуживать машины на сильных морозах, вот те и глохли. Надо ведь прогревать двигатели по пятнадцать минут каждые два часа, иначе отказывали аккумуляторы, но

кто же об этом думал? Дивизию перебросили с теплой Украины, а там таких холодов никогда не было... Поэтому приходилось то и дело ждать, пока намертво вставшую полуторку сдвинут в сторону трактором и немного освободят проезд.

Особенно несладко приходилось артиллеристам. Если относительно легкие «сорокапятки» еще можно было тащить на руках, то тяжелую полковую и дивизионную артиллерию – уже никак. А лошадей катастрофически не хватало. Да и тракторов, надо признаться, тоже. Никто же не предполагал, что зима в Финляндии окажется такой суровой, не подготовили как следует технику, вот она и ломалась часто...

Хорошо, что в дивизионах имелись новенькие «Комсомольцы» – гусеничные артиллерийские тягачи, им даже самые суровые морозы были не страшны. У бронированных красавцев практически никогда не случалось отказов двигателя, работали, как часы. Только за их счет и удавалось потихоньку продвигаться вперед. С черепашной скоростью, по два-три километра в час...

Конечно, на лошадях было бы быстрее – те привычные к морозу, русская закалка, как-никак, да только где их взять? Пополнить тягловую силу никак не получалось: тайга кругом, на десятки километров – ни одного жилья. Какие тут лошади! Ни людей, ни домов, одна суровая северная тайга да медведи с волками...

Так и получилось, что 122-й артиллерийский полк, который по идее должен был поддержать огнем 305-й стрелко-

вый, не дошел до места. И ударные батальоны остались без прикрытия...

Этим финны и воспользовались: длинными, кинжальными очередями из станковых М-26 и пистолетов-пулеметов «Суоми» пресекли попытки подобраться к траншеям и закидать гранатами. К тому же нашей пехоте сильно мешала проволока, натянутая перед самыми финскими позициями. Попробуй преодолей три ряда «колючки»! Столбики низкие, под снегом не видно, а цепляется проволока хорошо. Повиснешь – и попадешь под финский огонь. В общем, без пушек было никак...

Но их не было и даже не предвиделось. Более того, финны, как выяснилось, сами захватили в качестве трофея советское орудие. Третий дивизион 122-го артполка решил остановиться на ночь не на дороге, как все, а в лесу, под деревьями, где не так мелко. Выбрали полянку поудобнее, расположились. Люди за целый день устали, вымотались до предела, едва держались на ногах. Понятное дело, все думали только об отдыхе и еде. В результате охраной не озаботились, двойных постов, как положено, не организовали. Понадеялись, как водится, на русский авось. Может, пронесет?

Не пронесло. Ночью финны незаметно подобрались к лагерю и одновременно напали с трех сторон. Первыми же выстрелами сняли редких часовых, ворвались на полянку, закидали спящих красноармейцев гранатами. Убили и ранили сразу очень многих... Остальные спросонья не поняли, что к

чему, открыли стрельбу во все стороны и часто попадали по своим же. Что еще больше усилило панику и неразбериху...

Командир дивизиона, капитан Ревчук, попытался организовать оборону, да куда там! Никто никого не слушал, невозможно было даже понять, где свои и где чужие... В результате он первым же и сбежал с места боя – якобы за подмогой.

Добрался до стрелковых батальонов, стоящих на дороге, и попросил о помощи. Но пока решали, кого послать, пока поднимали и строили красноармейцев (все спали, сразу не разбудишь), пока шли на поляну, финны сделали свое дело и смотались. На месте остались лежать лишь убитые и раненые – кому как повезло. Или не повезло. Но главное – исчезло одно 76-мм орудие. Три остальных, к счастью, остались на месте, но без затворов – финны их тоже унесли.

Утром по следам установили, что солдаты противника буквально на руках утащили орудие. Да еще прихватили с собой несколько ящиков со снарядами. Это было очень плохо: теперь у финнов имелась грозная «трехдюймовка», снаряд которой легко пробивал «лоб» Т-26. И не только его...

Это не считая своих 37-мм противотанковых пушек «Бофорс»! Целая артиллерийская батарея, которая могла существенно замедлить наступление танковых частей...

Особенно опасны эти орудия были для бронелета. Его легкая броня не защищала от снарядов, и достаточно было один раз попасть... В общем, имелись серьезные поводы для беспокойства. Бронелет пойдет с прицепом, медленно и осто-

рожно (целый «состав» позади), и попасть в него труда не составит. Длинную, неуклюжую «гусеницу» финны могут расстрелять, как в тире... Но майор Злобин решил все же не отказываться от плана, предложенного Лепсом. Риск, конечно, был велик, но... Раз уж взялись за дело, надо его делать.

Утром, едва рассвело, бронелетчики пошли к капитану Логинову – выяснять, все ли готово. Конечно, ничего готово не было. Капитан чуть ли не пинками поднимал своих подчиненных, пытался расшевелить их и выстроить в колонну. Замерзшие, невыспавшиеся артиллеристы слушались плохо. Тут же бегал и суетился начштаба Головин, и тоже без особого результата, а мрачный, неразговорчивый политрук вообще ничего не делал, лишь безучастно наблюдал за ситуацией. От его вчерашней бравады, говорливости и хвастовства не осталось и следа. Сегодня он вовсе не рвался в бой. И желания тащить на себе «сорокапятку» не показывал...

Наконец Злобин остановил беспрестанно матерящегося капитана Логинова и напомнил о вчерашней договоренности. Тот безнадежно махнул рукой – видите, что творится, не до вас мне сейчас. Надо как-то привести дивизион в порядок и двигаться дальше. Какой бронелет, какой «паровозик», о чем вы! Если надо, делайте все сами...

Злобину после ругани и крика все же удалось добиться результатов. Вместо себя Логинов решил послать в Суомуссалми лейтенанта Михаила Панкратова, командира первой батареи, молодого и смышленного парня. Договорились по по-

воду «сорокапятки», артиллеристов и боеприпасов, приготовили повозки.

Панкратов действительно оказался понятливым – сразу сообразил, что от него требуется, и активно включился в работу. Пригнал людей, прицепил тросами орудия и повозки, озаботился боеприпасами. В общем, проявил себя с лучшей стороны. Майор Злобин кивнул – молодец парень!

Артиллеристов предупредили, что от пропеллера пойдет мощный воздушный поток, поэтому лучше сразу лечь на дно повозки и чем-нибудь укрыться. Что они и сделали – спрятались под шинелями. Панкратов, как командир, получил приглашение в салон бронелета.

В десять часов, наконец, все было готово – пушки прицеплены, люди и снаряды погружены. «Поехали», – приказал Злобин. Тросы натянулись, и «поезд» медленно пополз по снегу. Решили двигаться по обочине – хоть и опасно, зато свободно, точно не застрянешь. Тем более с таким прицепом. Шли осторожно, стараясь огибать самые ухабистые места, но все равно тяжело груженные аэросани то и дело проваливались в снег. Бойцы из всех сил цеплялись за борта повозок, стараясь не вылететь, их заметало снежным вихрем, бросало то вверх, то вниз, но они терпели...

* * *

Михаил Панкратов сидел рядом с Паном Профессором,

напротив капитана Лепса и Матвея Молохова. Он сначала несколько робел от такого соседства (как же – бронелетчики, особое задание!), но потом немного освоился и стал с интересом осматриваться. Время от времени подпрыгивал на сиденье, когда сани преодолевали очередное препятствие, заваливался то вперед, то назад, но неустанно расспрашивал про чудо советской техники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.